

Этнические права — это коллективные права. Они призваны только защищать права личности, но не подменять и не доминировать над ними. Основанные на этничности коллективные права — обоюдоострое оружие, и ими нужно пользоваться осторожно и умело. Последние годы показали, что в недостаточно развитой гражданско-правовой культуре групповые права могут использоваться для необоснованных преференций, для узурпации власти меньшинством и даже для разрушения общего государства, ибо питают экстремистские формы этнонационализма, вплоть до вооруженного сепаратизма. Это вызывает межгрупповые противоречия и недоверие со стороны остального населения страны к тем, кто подобным образом пользуется коллективными правами. Именно ссылаясь на коллективные права становится аргументом для массового выхода части населения из правового пространства.

Российская Федерация сейчас переживает именно такую ситуацию. Самым плохим вариантом было бы пытаться осуществить радикальный демонтаж коллективных прав, включая столь важное демократическое приобретение, как федеративное устройство с элементами этнического федерализма. Право и закон содержат большие возможности, многие из которых далеко не использованы. При федерализме многоэтнических стран не бывает стабильных ситуаций, как и не все вопросы федерализма должны решаться сразу и только нынешним поколением политиков. Важны общая формула и некоторые базовые принципы, среди которых следует назвать одновременную установку на признание культурных различий и обеспечение интеграции. Федерализм разнообразен и может заключать в себе мощный интегративный потенциал. Здесь важно добиться согласия элит, которые всегда имеют мощные местные интересы — главное препятствие интеграции. *Федерализм сам по себе недостаточен, и на уровне населения страны необходимо развивать и утверждать двойные лояльности и идентичности, строить широкие коалиции, пересекающие этнические и региональные границы, создавать стимулы к интегративному поведению.*

Федеративное правовое пространство допускает сосуществование на взаимодополнительной или на параллельной основах разных правовых систем, объединяющих "централизованное" (государственное) право и правовые нормы отдельных культурных систем или централизованное право на уровне внутригосударственного образования. Для этого не нужно возрождать никогда не существовавшую "историческую норму" в виде, например, родовых общин среди северян или горской демократии среди северокавказцев. Важно признать сам принцип правового плюрализма в связи с этнокультурным разнообразием.

разием. А что должно послужить основой для источника права и стиля правового поведения соискателей "обычного" или "традиционного" права — это уже вопрос второстепенный. Чаще называется существующий древний устой или социальная норма, но при более внимательном анализе за ними можно обнаружить современное изобретение для достижения современных целей. Но кто сказал, что такое не может иметь место, если только ссылки на данные правовые нормы не разрушают общеразделяемые основы общественного устройства и не провоцируют массовый выход граждан из правового пространства.

АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Трансформации, которые произошли в России, полезно оценить с точки зрения социально-культурной антропологии — дисциплины, изучающей человека и общество во всем их многообразии на основе этнографического метода. Без этого невозможна экспертиза в условиях, когда статистика, макроанализ, социологические опросы и политологический взгляд не способны уловить характер и траекторию перемен. Только профессиональный антрополог может объяснить, что частная стратегия людей всегда была и будет выше любой "национальной идеи", что желающих управлять всегда больше и "рваться к власти" — это естественно, что люди могут использовать этничность и "историческую память" в инструменталистских целях и потому так называемые национальные, казачьи, языческие и прочие "возрождения" или "движения" должны восприниматься прежде всего как манипуляции активистов социального пространства, а не буквально — как "движения" среди коллективных социальных тел.

Человек как существо социальное рождается для того, чтобы выполнить свою первичную задачу — создать благоприятные условия собственного существования: дольше и комфортнее прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить себе статус и безопасность, удовлетворить свои культурные запросы, исполнить идеологическую миссию, если его в нее рекрутировали. Для этого человек вступает в сотрудничество и в соперничество с себе подобными, создает различные социальные коалиции и институты, начиная от семьи и кончая государством. Эти постулаты хорошо известны применительно к древним или к так называемым племенным сообществам. Но мы оказались слабыми знатоками антропологии современных обществ, в которых прошла или проходит наша личная жизнь.

* Газетный вариант опубликован под названием "Мы стали жить лучше". См.: Независимая газета. 2000. 12 янв. (№ 1. С. 6, 9).

Можно поражаться, насколько слабы объяснительные модели советского общества, просуществовавшего много десятилетий. Здесь преобладают политизированные полулитературные метафоры о "советской империи", "тюрьме народов", "всеобщем ГУЛАГе" или инерция советской пропаганды, дополненная риторикой жалоб старшего поколения, включая и ученых. Самое слабое место имеющихся объяснений природы советского общества — это *утверждение об его исключительности и аномальности, вызванное проекциями оценок политического режима и его идеологического багажа на все общество, его нормы и ценности.*

Провал экспертизы

При всех социальных деформациях и политических аномалиях СССР был не менее легитимным государством, чем многие другие страны Азии, Африки, Латинской Америки и даже Европы. Более того, советский человек в своих базовых проявлениях, в частных и коллективных стратегиях имел больше общего, чем отличительного от граждан других государств, включая и те, которые считаются "нормальными". Это общее находило отражение в повседневном стремлении к личному преуспеянию, в создании семейно-родственных союзов, этнических и профессиональных коалиций, в эмоционально-психологических установках, наконец, в формах девиантного поведения, включая тривиальное воровство и внебрачные связи. Как отмечает английский антрополог Крис Ханн в работе по антропологии социализма, "в большинстве стран (социалистических. — В.Т.) и на протяжении большей части времени большинство простых людей просто воспринимали систему как данное, приспособились к ней и продолжали жить без вступления в ряды коммунистической партии или диссидентской группы. Другими словами, они пробивались по жизни точно так же, как люди это делают в другого рода обществах".

В советской жизни многое было задавлено, прежде всего гражданские свободы и уважение к человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось: социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления: личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность. Но даже в этой своей существенной отличительности Россия была до тривиальности похожа на многие другие общества, а метафора о "совке" утвердилась уже позднее и стала скорее саморефлексией, а не внешней оценкой. *На пороге XXI в. приходится признать, что отечественная наука упу-*

тила этнографию советскости, и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла "традиционная" культура советского времени.

Не меньшая потребность существует в познании постсоветскости как уже новой культурной традиции, особенно смысла глубоких общественных трансформаций в России. Вы скажу мнение, что установка на радикальную социальную инженерию была не только оправданна, но в целом экспертно обеспечена, как бы ни старались каждое новое правительство и оппозиция отрицать уже сделанное. Однако исполнители и толкователи российских реформ плохо знали и недостаточно учли антропологический (человеческий) аспект общественной жизни, а именно — частную стратегию человека и создаваемую им социокультурную среду. *Фатальными оказались идеалистическое представление о природе самого человека (который должен честно трудиться, не воровать, любить родину и служить нации, обязан заботиться о других и т.п.) и вера в то, что улучшение условий жизни обязательно ведет к адекватному восприятию этих улучшений.*

Российское общество в этом плане отличается характерная особенность. При массовой образованности оно очень идеологизировано, ибо имеет непропорционально большую и крайне претенциозную культурную элиту ("инженеры человеческих душ"), которая узурпирует массовое сознание в пользу своих субъективных представлений и влияет на поведение рядовой массы граждан. Массы привыкли к одномерному мышлению и к вере в версию событий, исходящую из "центральных" газет и телевидения. Однажды французский философ Мишель Фуко, отвечая на вопрос о роли радикальной интеллигенции в общественных преобразованиях, сказал: "Главная проблема — это как избежать излишнего воздействия интеллектуалов, носящихся со своими утопическими проектами, и позволить управленцам делать свое дело по переустройству общества". В России это не удалось. Все последние годы театральные режиссеры, писатели, актеры, журналисты и литературоведы выступали и как законодатели, и как авторы "обустройства России", и как главные колумнисты ведущих газет и, наконец, как "совесть нации". Невероятно, но члены Российской академии наук на своем юбилейном собрании в июне 1999 г. аплодировали получателю ее высшей награды писателю А.И. Солженицыну за следующую оценку последнего десятилетия: "Мы построили невиданное в истории криминальное государство под пиратским флагом".

О чем и почему сегодняшние жалобы и даже протестные акции? Если верить большинству политиков, ученых и работников СМИ (а значит, и "человеку с улицы"), это есть протест

против антинародного режима и против невыносимой жизни. Но если перестать повторять заклинания о "нашем тяжелом времени", в которое теперь верят фактически все, то этнография российской жизни выглядит по-иному. Прежде всего следует сказать, что сама власть, т.е. управленцы и эксперты в годы правления М. Горбачева и Б. Ельцина не поняли многого, что пришло в общество с процессом радикальных перемен. Они верили и продолжают верить, что социальный порядок и поведение граждан переустраиваются вслед за изменением характера политического устройства и экономическими реформами. А если этого не происходит, значит, режим не тот ("построили криминальное государство") и курс реформ неверен ("ограбили народ" и "устроили геноцид"). До сих пор никто не смог грамотно объяснить, что реальные свободы и жизненные улучшения люди могут психологически не замечать и даже отрицать по политическим мотивам или из-за пропагандистского воздействия. *Но самое главное — быстрые жизненные перемены могут перегрузить сознание каждого отдельного человека и общества в целом настолько, что даже улучшение условий существования может отвергаться в пользу более привычного уклада.*

Одиноким голосом берусь утверждать, что за последние десять лет в стране произошла революция в жизненном обустройстве людей. Причем это именно революция позитивного плана, которую российское обществознание не смогло понять и объяснить. Тем самым ученые-обществоведы несут перед страной большую ответственность. Легче всего эту ответственность снять ссылкой, что "вот нас, академиков, не послушали" или "науку загубили". Но кто тогда будет отвечать за беспомощный стон, который катится по всей стране, включая страницы газет и школьных учебников, высшие политические и научные трибуны? Рассмотрим только несколько примеров несостоятельной и политизированной риторики жалоб и в целом кризисной парадигмы.

Демография как политика

Для иллюстрации "России в обвале" чаще всего приводят данные о "вымирании нации", о катастрофических демографических потерях, включая несколько миллионов неродившихся детей, об уменьшении численности "государствообразующего народа" — русских и т.п. Следует сказать, что сам факт уменьшения численности населения страны не должен рассматриваться как однозначно негативное явление. Многие страны мира, особенно из числа наиболее благополучных, имеют в последние десятилетия отрицательный рост населе-

ния. В России фактически наблюдается ситуация нулевого роста — общая численность жителей страны в 1998 г. была почти такая же, как десять лет тому назад (147 млн человек). Но на самом деле современное население на 2 — 3 млн больше, ибо статистика не учитывает “незарегистрированных” граждан из других государств (Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Таджикистана, Украины, Молдовы). Подавляющее большинство из них — это молодые мужчины, которые трудятся в сфере обслуживания, строительстве, торговле и приносят пользу нашей стране. Без них не состоялись бы многие стройки и не было бы фруктов на рынках и в магазинах российских городов. *Если учитывать эту категорию жителей, то естественная убыль населения (здесь сказались кризис, нестабильность и воздействие неблагоприятного демографического цикла) была компенсирована миграционным приростом, качество которого (возраст, образование, здоровье, профессиональный состав вновь прибывших) выше, чем качество основного населения страны.*

Примечательным фактом является устойчивое на протяжении всего десятилетия соотношение между городским и сельским населением (73% и 27%). Плохо это или хорошо? Скорее плохо, ибо чем более развито общество, тем меньше людей должно быть занято в сельском хозяйстве. Модернизация — это прежде всего урбанизация, а она после 1989 г. замедлилась в значительной мере по причине отсутствия настоящей аграрной реформы и из-за наличия более конкурентной среды на рынке труда в городах. Последнее удерживает сельчан от когда-то легкого шага — ухода в городскую “лимиту”. Столь же стабильным (47% и 53%) оставалось соотношение мужчин и женщин. Эта достаточно большая диспропорция представляет собою негативное явление, но в предыдущие десятилетия положение было не лучше. Причина ее не столько в особенностях биологического воспроизводства населения, сколько в более высокой смертности среди мужчин по социальным причинам (алкоголизм, курение, травматизм, убийства).

За десять лет произошли существенные изменения в пространственном движении населения. Общая интенсивность внутренних миграций снизилась из-за экономической нестабильности и прекращения практики оргнаборов на крупные стройки. Зато частные интересы людей опять же пришли в противоречие с политическими установками и наивными прожектами. Речь идет о слабой заселенности Севера, Сибири и Дальнего Востока. На самом же деле усиленное заселение неблагоприятных для проживания людей арктических и субарктических районов страны в предшествовавшие десятилетия носило характер косвенного насилия (через романтическую пропаган-

ду, "длинный рубль", сохранение московской прописки). Начавшаяся в конце 80-х годов человеческая конверсия Севера стала вполне нормальным явлением — к неудовольствию огромной армии чиновников и торговцев, занятых "северным завозом". Этот процесс является положительным: россияне переезжают в более благоприятный климат, где могут легче (дешевле) и дольше прожить, снижается нагрузка на хрупкую природную среду и сохраняются важные ресурсы для будущих поколений, появляется больше возможностей для остающегося населения (в том числе и нормального жилья), а тем более для аборигенных жителей, для которых эта среда является родной. Сибирь, особенно южная, и Дальний Восток — это несколько другое дело: здесь необходимы массовое заселение и новое освоение, причем не только через индустриальные мегапроекты (охрана среды и ресурсов здесь столь же актуальна), но и через своего рода систему гомстедов, т.е. наделение граждан бесплатной землей, часть которой могут обрабатывать и китайские эмигранты.

Кстати, в сибирских и дальневосточных регионах естественная убыль населения меньше, чем в среднем по стране, а в некоторых районах сохраняется естественный рост (Алтайский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский, Усть-Ордынский, Агинский, Чукотский автономные округа, Тува, Якутия). По нашим оценкам, за последние десять лет численность аборигенных народов Севера и Сибири не уменьшилась, а некоторых даже увеличилась. Принятие в 1999 г. закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов России даст пополнение этих групп благодаря перезаписи национальности потомков смешанных семей и культурно ассимилированных граждан. Воспаленная риторика о вымирании северных народов беспочвенна, хотя коллапс системы государственного патернализма и разгул нового предпринимателя (от охотника-"европейца" до нефтегазовых корпораций) создал огромные проблемы для сохранения систем жизнеобеспечения и самобытной культуры аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Этнический фактор

В России этнический аспект демографии является наиболее чувствительным не столько из-за самого факта культурного многообразия, сколько по причине длительного опыта огосударствления этничности. Здесь политические спекуляции неимоверны, а в суждениях ученых господствует старая схоластика. В стране сохраняется практика жесткого и официально деления граждан на народы, или национальности, и поэтому

этническая статистика играет политическую роль, точно так же, как и существующая расовая статистика в США. Сохраняется клише: сколько "наций и народов" живет в том или ином месте или работает на том или ином заводе, и этот подсчет навязчиво ведется не только путем переписей населения, но и с помощью кадровых и жэковских анкет. Пропагандируемая "национальная структура" (имеется в виду этнический состав) населения часто является основным средством для обоснования этнократического правления и для политической мобилизации граждан.

Трудно сказать, что является нормой или позитивным в этнической структуре, но одно бесспорно: необходимо сохранение этнокультурного многообразия населения. К чести нашей страны ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют "вымиранием" народов. Многие малые группы за последние годы сохранили или увеличили свою численность. При этом следует учитывать, что численность этнической общности зависит не только от рождаемости и миграции, но и от смены самосознания. В начале процесса перемен мне представлялось, что к новой переписи населения ощутимую демографическую потерю понесут русские из-за того, что станет менее престижным быть русским, особенно в пределах этнотерриториальных образований (республик и округов). Но этого не случилось, и считаться русским для потомков смешанных браков по-прежнему более (или в равной мере) престижно даже в российских республиках.

После 1989 г. большинство крупных российских народов, в том числе русские, башкиры, татары, чувашы, буряты, кабардинцы, коми, кумыки, тувинцы, удмурты, имели нулевой или незначительный рост численности. Уменьшилась абсолютная численность украинцев, белорусов, мордвы, российских немцев, марийцев, казахов, евреев. Превышающий средние по стране показатели был рост у армян и осетин (за счет мигрантов), у якутов и народов Северного Кавказа, особенно народов Дагестана (за счет естественного прироста). Самый высокий рост численности среди населения самых бедных районов страны говорит о том, что так называемое вымирание с состоянием условий жизни никак прямо не связано. Более того, исчезновение этнической общности (факт распространенный, но в России редкий) совсем не тождественно депопуляции или физическому исчезновению представителей определенной культуры, а чаще означает смену ими этнической идентичности, т.е. ассимиляцию в пользу другой культуры.

Этническая демография периода трансформаций отмечена более быстрым ростом численности северокавказцев, а значит, сокращением доли русских (кстати, татар и чувашей также) в

общем населении страны. К сожалению, это — тема для громких спекуляций, и профессионально ее никто не осмеливается обсуждать. Какова доля русских в стране — не вопрос жизненной стратегии государства. В 1989 г. в СССР русские составляли 50,8%, но государство существовало, а распалось не по этой причине. Сейчас по доле самой большой этнической группы — русских Россия почти такая же моноэтническая страна, как Китай, где, кроме 90% ханьцев, живет не менее 100 млн представителей разных национальностей. Подавляющее демографическое господство одной группы мало что дает для крепости государства, ибо даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, способен стать базой вооруженной сепаратистской и крупномасштабной войны. Действительной проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, а завышенные социальные ожидания и неприятие бедности вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства. *В целом же период реформ в России связан с некоторыми серьезными демографическими проблемами (прежде всего относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей), но ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая.*

Мир вещей и услуг

Пища, одежда и жилище — три столпа материальной культуры, а состояние здоровья — основной показатель уровня модернизации общества. Этими категориями далеко не ограничивается жизнь современного человека, ибо есть еще огромный мир других используемых вещей и услуг, как и мир ощущений и духовных ценностей. И все же основная часть населения живет повседневными заботами материального обеспечения, которые лежат в основе уровня и качества жизни.

На протяжении всей истории России ее жители (за исключением южных районов) имели достаточно небогатую кухню со скромной диетой, в которой был явный недостаток витаминизированной углеводной пищи, прежде всего фруктов. Свой первый апельсин и банан я съел уже будучи студентом МГУ, ибо в моем родном уральском городке, кроме яблок и новогодних мандаринов, фруктов не продавалось. Сегодня в этом городке, которому по-прежнему далеко до экономического процветания, те же азербайджанцы обеспечивают хороший рынок основных фруктов и фруктовых соков, и жители их покупают (иначе бы не привозили). Новый и огромный по своим размерам ввоз в страну фруктов внес историческое изменение в структуру питания россиян. Значительно увеличилось потреб-

ление рыбы, даже если официальная статистика не показывает этого по причине "внесистемной" добычи и продажи данного продукта. Выросло потребление сыров и колбасных изделий (в основном за счет импорта), и люди уже забыли времена плавленых сырков "Волна" и буфетных сарделек.

Снижение потребления мяса, молока и яиц, если таковое действительно имеет место, мало о чем говорит, как и общее снижение потребления продуктов питания. В последние десятилетия население страны страдало не от недоедания, а от несбалансированной структуры питания, и если этот дисбаланс выравнивается даже ценой сокращения общего потребления продуктов (в некоторых семьях, например, практически прекратили покупать яйца), но при этом расширяется их ассортимент, то этот процесс носит скорее позитивный характер.

Не менее важны изменения в системе организации питания. Современный россиянин потребляет пищу не только дома, но и в системе общественного питания. Еще десять лет тому назад огромной проблемой для небогатого гражданина было пообедать на Невском проспекте в Ленинграде или на улице Горького в Москве, не говоря уже о более провинциальных местах. Унизительные очереди в грязные уличные пельменные, в рабочие столовые и в институтские буфеты отнимали время и даже здоровье. Рестораны были не для того, чтобы поужинать, а чтобы "гульнуть". Сегодня ситуация совершенно иная. Резко выросло общее число ресторанов и кафе, не говоря уже о новой культуре уличных продуктовых ларьков и палаток или частных торговцах разной едой на улицах и дорогах. *Впервые в таких масштабах люди в России, особенно молодежь, стали есть и пить за пределами дома, и это огромный сдвиг в народной культуре.*

Еще одна разительная перемена в жизни людей за последние годы — это радикальное расширение круга предметов быта и социальных благ. Номенклатура предметов, используемых человеком для повседневной жизни (так называемые *вещи*), — крайне важный показатель степени модернизации общества. Хотя количество вещей не обязательно определяет мораль и ценности общества и делает человека счастливым, все же в целом это именно так. Безусловно, что чем больше вещей использует человек в повседневной жизни, тем лучше ее качество. Особенно это касается быта, что прямо связано с комфортом, гигиеной и здоровьем людей. Перемены в этом плане могут казаться малозначимыми, тем более, что они не очень связаны с макроэкономическими успехами. Если за последние десять лет миллионы людей стали пользоваться туалетной бумагой, а не смятой газетой, чистить зубы (оказывается, бывают щетки мягкие, средние и жесткие) набором из паст, мыться шампунями

(для разных волос, для взрослых и детей, с ополаскивателем и без), то уже одно это изменило бытовую культуру к лучшему.

Недовольство некоторых людей по поводу телерекламы женских прокладок, жевательной резинки и памперсов не должно мешать видеть в них огромную перемену в бытовой гигиене. И таких внешне малых, но значительных новаций в повседневной жизни россиян за какие-то десять лет произошло больше, чем в какой-либо предшествовавший исторический период. Люди освоили использование сотен новых вещей и услуг: от уже упоминавшихся до технологически сложных бытовых новаций (стиральные машины-автоматы, телефоны с автоответчиком и мобильные, обогревательные приборы, печи ВЧ, цветные телевизоры с дистанционными пультами и многое другое). Из десяти уличных рекламных щитов девять рекламируют товары и услуги, о которых россияне даже и не слышали десять лет тому назад.

Подавляющее большинство советских семей обходилось крайне ограниченным набором жизненных вещей, не зная об их существовании или не будучи способными "достать" (именно достать, а не купить). В силу высокой грамотности населения желание владеть многими вещами при ограниченных формах социальной самореализации (работа, семья, квартира, отдых в очередной отпуск) было огромным, и идеологией потребительства советские люди были проникнуты не меньше, а даже больше, чем в других более состоятельных обществах. В 1960 — 1980-е годы эта идеология с огромной энергией и изобретательностью утверждалась в частных стратегиях людей. В домах с обшарпанными подъездами и захламленными лестничными клетками за дверями квартир скрывалось обустроенное жилье с приличной мебелью, хорошим набором посуды и вполне сносным гардеробом.

Одержимость обустройством, скромная красота и чистота были разительными по сравнению с загаженностью пространства, начинавшегося за квартирной дверью. Именно здесь лежала впечатляющая грань между миром частного и миром общественного, точнее, государственного (а значит, ничьего). *Советский человек был частным человеком, и именно это обстоятельство пропустила наша экспертиза, увлекшись анализом мира пропаганды и верхушечных установок.*

Что действительно отличалось от более обустроенных обществ, если говорить в масштабе всей страны, так это сохранявшиеся в больших городах коммунальные квартиры и мало-размерное частное жилье малых городов и сел. Здесь жилое пространство было явно ограниченным, быт — неустроенным, а требовавшиеся для жизнеобеспечения усилия — невероятными (ежедневные дрова для печки, вода из колодца и прочее).

Здесь фактически был "третий мир", но не афро-азиатская нищета, а тот, который можно наблюдать во многих странах, особенно в Северном полушарии, где в бедных деревнях Ирландии, Испании, Италии, Греции (не говоря уже о Восточной Европе) жизнь остается достаточно скудной и некомфортной.

Под воздействием этнографических описаний традиционного русского жилища мне иногда казалось, что "пятистенка" с русской печью — это надолго, если не навсегда (климат, историко-культурная привычка и т.д.). Еще десять лет назад, проезжая по российским дорогам, можно было наблюдать, как располагавшие средствами граждане строили кирпичные дома в деревнях и малых городах, фактически повторяя русскую избу по параметрам и архитектуре. В большинстве же населенных пунктов в 60 — 80-е годы индивидуальное жилье почти не строилось.

Подлинная перестройка в России началась не с торговых кооперативов и не с московских политических манифестаций, а с изменений в отношении к жилью и к вещам, и в этом смысле перемены носят глубоко позитивный характер. За последние десять лет в России построено больше домов, чем за весь послевоенный период. Во многих российских деревнях сегодня каждый третий дом — новый или перестроенный. Граждане преодолели культурный барьер в представлении о жилище, и на смену одно- или двухкамерному жилищу пришел дом с более крупными параметрами, многоуровневый и с несколькими комнатами, а также с внутренним туалетом.

В стране бум производства строительных материалов, и по обочинам дорог и в городах на целые кварталы бурлят рынки по их продаже. Помимо действующих закуплены за рубежом и запущены сотни кирпичных заводов. Текущая госстатистика жилья мало о чем говорит, ибо не учитывает загородное строительство и многое другое (новые пристройки, многоквартирное частное жилье). Но даже по данным этой статистики, общая площадь жилищ в стране выросла с 2,1 млрд кв. м в 1985 г. до 3 млрд кв. м в 1999. Причем частный фонд увеличился в два раза, а на самом деле больше, если считать все построенное гражданами жилье.

Люди получили бесплатно или купили по мизерным ценам миллионы новых земельных участков (в стране 40 млн землевладельцев) и научились строить более просторное и комфортное жилье, какого в стране не было за всю ее историю. Еще десять лет назад раму для арочного окна было сделать некому, и, кроме наличников и железных петушков на печных трубах, никакие архитектурные украшения не использовались. Сейчас большинство новых домов, как сельских, так и дачных, обставлены солидными мебельными предметами, над каждым домом

телевизионная антенна, рядом почти с каждым — гараж. Кстати, не замечать почти всеобщую автомобилизацию страны (около 20 млн произведенных и завезенных машин за десять лет!) — это проявление слепоты и плохой социологии.

Создание основы благосостояния людей — жилья сопровождается уродливыми явлениями, которых можно было избежать и которые еще придется исправлять. Вместо издания вычурных журналов по домоустройству нужно было создавать условия и объяснять, что настрой на дачную жизнь в дорогих и больших домах ошибочен и не соответствует нашим климатическим условиям. Городское население вбухало миллиарды долларов в загородное жилье, которое не имеет коммуникаций, которое невозможно отопить зимой и в котором работающая семья с детьми постоянно проживать не может из-за удаленности от места работы и из-за отсутствия рядом школы и больницы.

Было бы лучше строить все эти комфортные дома в городской черте — в таком случае сейчас города выглядели бы лучше и потребность в квартирах была бы меньше. Но примитивная мечта советского человека о даче и нежелание городских властей предоставить землю для частных домов (столько сносили, чтобы построить многоэтажки!) оказались сильнее. Большинство загородных домов-монстров не функционирует, и перспектива полноценного использования неясна, как и будущее миллионов новых дачных построек. Работающие горожане жить в них не смогут, а новому селу они не нужны в таком количестве. Видимо, это останется памятником неправильному социальному планированию, отсталому менталитету и неразвитой городской антропологии.

Революция двойного отрицания

Современные государства так же уязвимы, как и государства прошлого. И главные вызовы государству сегодня находятся внутри самих политических сообществ. Важнейшим моментом для гражданской лояльности (на бытовом языке "любви к родине") являются условия социального преуспевания, которые создаются данным государством и для чего люди образуют, принимают и защищают свое государство. Эти условия могут быть далеко не самыми плохими, но воспринимаемыми как плохие, скажем, в результате навязываемого мнения представительного меньшинства при слабой компетенции сознания и даже под влиянием внешней пропаганды. Ситуация в России последних лет с этой точки зрения в отечественном обществоведении фактически не рассматривается, но именно здесь можно искать ответы на многие мучительные вопросы.

Хотя формально все нынешние постсоветские государства легитимны, ибо соблюдены должные внутренние и внешние процедуры, сам факт существования этих государств требует постоянного подтверждения. Применительно к России ситуация оказалась наиболее сложной, ибо ее больше всего затронула своего рода "революция двойного отрицания", когда вместе с демонтажем политического режима, включая мощный компонент государственного (советского) патриотизма, оказались отринуты само государство и даже жизненная повседневность, существовавшая на протяжении десятилетий. Многообразии прошлой общественной жизни и противоречивые результаты советской политики, в том числе и в так называемом национальном вопросе, оказались редуцированы к литературным версиям "манкрутизации", "народоубийства" и т.п. Применительно к современному состоянию доминируют версии о "криминальном государстве" и "разбойном капитализме", которые также фактически отрицают легитимность государства.

Уходом от заботы о признании государства и его обустройстве как в экономике и политике, так и в умах людей являются дебаты об уникальности России, о российской или евразийской цивилизации, российском суперэтнотипе, разных вариантах географического и культурного детерминизма, а также одержимость пропагандой "многонациональности" при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно ориентированной общности. От ученых, а не от политиков идут предписания считать "родным" языком не материнский язык, язык дома и общения, а тот, который совпадает с паспортной записью национальности. От ученых, а не от политиков поступают наставления гражданам, что их "настоящие", "традиционные", "национальные" религии есть шаманизм и язычество, а не та вера, которую приняли их предки сто или двести лет тому назад. От ученых, а не от политиков исходят археологические, антропологические и архивные данные, что часть владельцев домов на одной и той же улице живет на "своей" этнической территории, а часть — не на "своей". Из тех же академических постулатов родились доктрины "своей" государственности или "безгосударственности", хотя в пределах России все имеют общее государство и у каждого есть паспорт как правовое подтверждение этого факта.

Западное академическое сообщество с энтузиазмом разделяет саморазрушительные язык и методологию российского обществознания. Казавшаяся когда-то несерьезной рейгановская метафора "империи зла" или поверхностная формула французского историка Э. Каррера д'Анкосса о "распадающейся империи" ныне стали непререкаемыми объяснительными концептами. Инерция мышления холодной войны и энтузиазм мо-

лодых соискателей степеней и грантов, чутко улавливающих потребности новых геополитических соперничеств, активно утверждают наши же собственные подсказки о "криминальном государстве", о "мини-империи", о "многонациональной стране", о самоопределении "несамоопределившихся наций" и т.п. Из всего этого рождается образ России как чего-то не свершившегося, как некой "серой зоны", открытой для новых геополитических дизайнов.

Эти верхушечные дебаты являются радикальным разрывом с сознанием молчаливого большинства, тех самых россиян, — термин, который некоторым ученым и политикам представляется эвфемизмом чем-то наподобие "марсиан". Как заметил Глеб Павловский, действительно, в 1991 г. было выкрикнуто слово "Россия" в значении советской республики РСФСР — государство не очень понятное и плохо продуманное. В этом смысле Россия состоялась сначала как акт речи, но именно этот акт речи быстро обрел реальность. Здесь нет исторической аномалии, ибо таким же образом состоялись и другие современные государства. Рядовые граждане приняли новое государство, ибо вопрос о государстве для них — это не вопрос трудноразделяемого элитой символического и ресурсного наследия, а вопрос о тех новых возможностях личной жизни, которые ожидаются с новым государственным обозначением территории, где они жили и продолжают жить.

У обывателя, в том числе и интеллигента, нет государственного мышления в его повседневном варианте. Его государство там, где лучше или где привычнее. Постулат, когда-то высказанный академиком Абалкиным, пребывавшим в поиске национальной идеи, что служение стране и нации должно быть выше личного интереса, является, строго говоря, ненаучным. Ни один человек, включая академиков, ни одного дня своей жизни по этому принципу не прожил и жить не должен, за исключением особо распропагандированных энтузиастов. Даже чеченские комбатанты преследуют вооруженной борьбой и террором достаточно утилитарные интересы под лозунгами национального самоопределения и джихада.

Нынешнее государство под названием Российская Федерация — свершившийся факт, и все рассуждения в обратном направлении есть плохая услуга этому государству и разрыв с реальностью. В равной мере существует и российское согражданство, гораздо более гомогенное, чем в большинстве государств мира. Другое дело, что есть проблема кризиса идентичностей, особенно в аспекте диалога между прошлой советской и нынешней российской лояльностями. Однако в последнем мне видится академическая форма преувеличения проблемы. Из повседневных наблюдений не видно, чтобы наши граждане

ложились спать (если только они не дождались опроса-пародии в программе "Времечко") и вставали утром с подобными вопросами или терзали ими своих сослуживцев. Российская наука должна сделать предметом своего интереса социально-политическую и сложнокультурную общность россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, "негомогенное целое" (выражение М. Бахтина), а не абстракция "международных отношений" заслуживают настоящего внимания и научной реабилитации.

Антропология власти

Задача состоит в том, чтобы понять и объяснить власть, в том числе и для самих властвующих. В этом плане новое российское знание серьезно отстает от потребности, а старое знание этими вопросами фактически и не занималось, ибо советская власть во многом носила сакральный характер и академическому скальпелю не поддавалась. Здесь есть целый ряд свежих проблем. Одна из них — делегирование во власть и выход из власти. Интересны в данном контексте не только правовые нормы и другие механизмы поведения человеческого материала, вернее, мутации человеческого материала в системе властных отношений. Открывшийся для более широкой состоятельности и для внешней экспертизы домен власти в России оказался неожиданной научной задачей и породил ряд поверхностных взглядов, которые, в свою очередь, привели к "ошибкам власти". В частности, утвердился и сохраняется постулат "честной" и "нечестной" власти в том смысле, что во власть попадают жулики и взяточники и от этого происходят многие российские беды. Число неоправдавших надежд чиновников множится с каждой новой сменой когорты властвующих, и уже это заставляет усомниться в верности исходной посылки приоритета положительной моральности человека во власти. Не дает ответа на вопрос и рецепт сделать властвующих достаточно состоятельными людьми, чтобы они не воровали, хотя, действительно, нищие политики порождают и нищую политику.

Вопрос честной власти в России — прежде всего вопрос правил и контроля, а уже потом вопрос моральных внутренних регуляторов и внешних увещаний. Поскольку власть — это одна из самых престижных и значимых для общества профессий, рекрутирование в нее происходит трудным и сложным селективным путем. В принципе, как и в племенном обществе, этот процесс основан на компетенции, авторитете, силе и богатстве в различных сочетаниях значимости и использования этих факторов. Но те, кто приходят во власть, будучи специфически отборным (и чаще всего добротным) человеческим материа-

лом, обладают завышенными запросами и ожиданиями. Они способны к рациональной саморефлексии: "я управляю такой богатой страной (краем, отраслью, компанией)" или "я так много делаю для страны (республики, народа, института)", что имею право жить лучше и даже богато. Сентенция А. Коржакова в его мемуарах: "что же, я так и уйду из Кремля оболганным и нищим?", вполне верна в смысле всеобщего правила. В России это всеобщее правило обрело особые формы приватизации принадлежавших государству собственности и ресурсов через власть или через приближенность к власти. В народной метафоре и на языке политической оппозиции данный процесс получил обозначение "разграбление страны" или "ограбление народа". В значительной мере это оказалось возможным в силу пассивности и безгласности населения в эпоху, получившую обозначение *гласность*.

По той же причине усилия специалистов по власти, а вместе с ними и более широкой общественности должны быть направлены не столько на бесполезное морализаторство, сколько на установление пределов обеспечения материальной состоятельности властвующих, в том числе в зависимости от материального положения самих управляемых. Новая российская власть действует по принципу полезных аналогий и заимствований. Посещая Капитолий, российские законодатели видят многочисленный штат помощников у своих коллег, но не замечают их личные машины (без водителей) на платной парковке у здания конгресса. Они хотят таких же просторных офисов, но не спрашивают про арендуемые или покупаемые конгрессменами квартиры в Вашингтоне. *Именно разрушение старых и отсутствие новых правил и общественного контроля позволили российским властителям создать симбиоз старых и новых привилегий, которые обрели внешне неприличный, но, к сожалению, терпимый избирателями и налогоплательщиками характер. В этом смысле власть такая, как и мы сами, — она есть наше отражение.*

Имеется и особая культурная специфика образов российской власти и властных иерархических взаимодействий, которая во многом оказалась заимствованной из старой системы статусных привилегий и символов — градация особых номеров служебных автомашин, служебных пропусков (вплоть до "вездехода"), численности охраны, месторасположения дачного дома и т.п. Нецензурная речь и особенно ритуально-рутинное потребление алкоголя — уже не просто культурологическая, а социально-политическая проблема, выходящая на уровень вопросов национальной безопасности. Фактически все решения по Чечне 1994 — 1996 гг., от самых высших до военно-полевых, принимались в состоянии алкогольной интоксикации.

Есть проблема амбиций и самонадеянности власти, также доставшаяся в наследство от периода "слуг народа". Только вместо строгой иерархии и культа вождя, за которым было высшее и последнее слово, появились множественные центры власти и многие вожди, каждый из которых узурпировал избирательный механизм для собственной легитимации и персональной свободы действий. Особенно ярко это сказалось в заимствовании новых или возрождении старых обозначений для "первых лиц" разного уровня. Так в России появились "президенты" и "губернаторы", чтобы можно было говорить: "я и мой народ", как это стал делать одним из первых бывший президент Северной Осетии А. Галазов, а за ним и другие.

С точки зрения политической антропологии в современной России есть еще ряд важных проблем:

- состояние компетенции правящего корпуса и экспертно-го обеспечения законодательно-правовых норм и управленческих решений;
- необоснованная или цинично политизированная эскалация низовой мифологии и несостоятельных доктрин на уровень официальных текстов и деклараций;
- гражданская ответственность властвующих и проблема их "мягкого" выхода из власти.

Поведенческие нормы и духовная жизнь

Традиционное обществоведение пользуется обычной дихотомией: "власть и народ". Однако либерализация породила нового актора среднего уровня. Под этим понятием я имею в виду слои активистов, политических и этнических предпринимателей, действующих вне институциональной власти и системных отношений. Это также новое явление со своей культурной спецификой. Здесь есть явная узурпация коллективной воли тех, от имени которых действуют активисты. Как правило, они являются лидерами (легитимными и самозванными) групп меньшинств, в том числе этнических и религиозных. Достаточно юридически зарегистрировать реальную или мифическую организацию под названием "Союз мусульман России", чтобы сразу стать "лидером мусульман" в стране. Современное самозванство (от "академиков" и "человеков года" до "национальных лидеров") — крайне интересная черта ментальных приватизаций у российских граждан, которые обнаружили, что можно гораздо больше, чем это было долгое время позволено. Кстати, этим (в основе своей советским) стремлением к статусности и иерархии довольно ловко пользуются авантюристы-предприниматели: за последние годы всевозможные "ню-йоркские академии" и дарители дипломов и званий неплохо заработали

на денежных переводах и взносах россиян, вручая им разного рода красиво напечатанные бумажки и удостоверения.

Можно иронизировать или гневаться по поводу того, что наряду с "настоящими" появились "ненастоящие" академики, можно ревностно оберегать узкий мир официальных привилегий и наград (как заявил Олег Табаков, прижимая к груди врученный президентом премиальный диплом: "Получали, получаем и будем получать"), но в целом символично-статусная сфера российской жизни стала существенно другой. Она лучше прежней, ибо свободнее и разнообразнее. Но это не значит, что в ней нет проблем. *Главная проблема — как статус и престиж, а также ресурсы, условно говоря, внесистемных (имея в виду старую систему) акторов сосуществуют с порядком и государственностью и насколько они признают последние.* Здесь есть проблема политически корректных симпатий: почему один "внесистемный" активист с нашитыми на штаны казачьими лампасами получает кабинет в Кремле и входит в систему, а другого третируют или не замечают. Или же замечают и поддерживают внешние манипуляторы, чтобы разрушить легитимный порядок. Ибо именно на этом среднем уровне иницируется вызов по отношению к статус-кво и даже массовый выход из правового пространства.

Что касается уровня "масс", то традиционный подход трактует его как инертный и больше всего страдающий. Здесь произошли не менее глубокие трансформации, которые подтверждают мое наблюдение, что способность общества к инновациям и модернизации гораздо выше, чем представляют и замечают ученые, особенно отслеживающие макроуровни общественного процесса, или этнографы "традиционных общин". В стране осуществилась массовая приватизация времени, пространства и, отчасти, ресурсов (здесь круг гораздо уже). В последние годы россияне открывают внешний мир, хотя, к сожалению, ценой снижения интереса к собственной стране. Сейчас ежегодно выезжает за рубеж порядка 10 млн человек, причем не за государственные 7 долл. в день, как в прошлом, а на свои собственные средства. Такого не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые, согласно официальной статистике, пребывают с россиянами примерно на одном уровне достатка.

Российские "народные массы" демонстрируют разительный прорыв в культурном производстве, которое и до этого относилось к числу приоритетных для советского человека и для государства. Из этой сферы я возьму только образование, науку и высокую культуру. Здесь, пожалуй, сократилось только число дошкольных образовательных учреждений (у родителей появилось больше возможности воспитывать детей дома, так

как возросло число неработающих матерей). Все школы и вузы функционируют, и престиж образования не снизился, если судить по набору студентов и по более богатому выбору образовательных институтов. Число вузов увеличилось с 502 в 1985 г. до 880 в 1997 г., а число студентов — с 2,9 до 3,2 млн за тот же период. В целом именно жизнь молодого поколения оказалась намного лучше и интереснее. *А улучшение жизни детей есть общее улучшение.* Те, кто желал бы вернуться назад, хотят оставить детей в нашем времени. Но так не бывает!

Так называемый кризис науки, возможно, касается ряда естественных наук и военно-промышленных разработок, но общественные науки он затронул только в плане кризиса теоретико-методологических основ, да и это имело место скорее на начальном этапе российских трансформаций. Риторика жалоб здесь (и не только здесь) используется главным образом для того, чтобы сохранить государственное обеспечение, действующую систему организации науки и существующие кадровые ресурсы. Это само по себе понятно, но к реальному кризису имеет условное отношение. За последние десять лет Институт этнологии и антропологии РАН произвел научной продукции в три — четыре раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Такая же ситуация в других гуманитарных институтах. В обществоведческий арсенал введено огромное количество новых и забытых имен ученых, осуществлены крупномасштабные переводческие проекты. Новым и позитивным явлением стала деятельность двух государственных научных фондов (Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда), через которые получает поддержку лучшая часть ученого сообщества.

Мы не затронули целый ряд общественных сфер, где происходят или уже произошли глубокие трансформации, которые не замечаются или плохо интерпретируются. Но даже этот анализ позволяет сделать вывод, что *в России стало жить лучше, хотя и сложнее, а сложность есть признак человечности.*

МИФ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЕ В РОССИИ*

Начнем с цитаты из ежегодного послания президента РФ Федеральному собранию в 2001 г.: "Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе людей, которые в этом разбираются, — уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией". Вопрос о "вымирании России" сегодня обсуждают многие, ибо люди, включая президента, привыкли доверять статистике и тем, кто "в этом разбирается". Отечественные статистика и демография имеют сильные традиции, но специалисты, давшие такие оценки, ошибаются.

Несколько слов об иммиграции

В последние десятилетия большинство развитых стран имеет очень низкий или нулевой рост населения. Никто по этому поводу истерик не закатывает, даже занимающая второе место в мире после России по размерам территории Канада, где численность населения еще меньше, чем у нас, и почти все оно (90%) проживает в полосе шириной 200 миль вдоль границы с США. А менее развитые государства, особенно бедные, больше озабочены сдерживанием роста собственного населения, ибо увеличение числа жителей страны далеко не всегда связано с ее успешным развитием и благосостоянием.

Понятно, что если в стране выше рождаемость, меньше смертность и больше иммиграция, то население растет, если наоборот — уменьшается. Однако строить в этом отношении прогнозы на дальнюю перспективу — вещь довольно скользкая. В начале 90-х годов многие специалисты прогнозировали, что в течение нескольких лет в Россию как на свою историче-

* Газетный вариант опубликован под названием "Готовы ли мы к переписи населения?". См.: Независимая газета. 2000. 10 окт. С. 8.

скую родину приедут 5–7, а может быть, 10–15 млн “соотечественников”. В реальности оказалось, что прибыли 2–3 млн из тех, кого ожидали. Зато приехали несколько миллионов новых жителей страны, которых не прогнозировали и которых, к сожалению, до сих пор отказываются считать жителями страны.

Наша статистика не учитывает (а значит, и не признает за часть населения!) примерно 3–4 млн человек, которые в подавляющем большинстве не имеют российского гражданства, но живут в России. Это прежде всего граждане Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдовы, Украины, прибывшие в Россию в последние годы и находящиеся здесь временно или постоянно. По всем принятым критериям они входят в совокупное население страны. Поскольку эти миллионы неучтенных людей, главным образом мужчин, составляют одну из динамичных демографических групп, то обнародованные данные о качестве населения и его возрастной структуре оказываются несостоятельными. Если бы таким же образом считали свое население Германия или Франция, где по десятку миллионов жителей не имеют гражданства, то там давно бы уже обнаружилась “демографическая катастрофа”. А в США и Канаде, где в составе населения доля новожителей без гражданства и временных иммигрантов еще больше, такая “катастрофа” наблюдается уже с полвека.

Какие бы чувства ни испытывали некоторые к тем, кого бытовой расизм именуется “черными”, “азиатами”, “кавказцами” и т.д., серьезные специалисты-демографы не могут согласиться, чтобы несколько миллионов жителей страны исключались из анализа демографической ситуации.

В истории много примеров, когда иммиграция или эмиграция играли весьма существенную роль. В качестве примера здесь можно привести не только страны, образовавшие на основе переселенческой колонизации. Во второй половине XX в. население государств Западной Европы растет фактически за счет иммигрантов и их потомков. Подобное происходит в последнее десятилетие и в России. *Мой прогноз состоит в том, что именно иммиграция является и будет довольно долго оставаться важным фактором формирования населения страны. Нужно только изменить к ней отношение и научиться лучше считать.*

Органы государственной статистики и специалисты по народонаселению не прилагают должных усилий, чтобы более точно оценить влияние вновь прибывших или временно находящихся на территории страны людей на демографическую ситуацию. Я не отрицаю факта снижения рождаемости и роста смертности, однако официальные данные о численности населения России за последнее десятилетие выглядят столь неблагоприятно.

гоприятно именно по причине пренебрежения проблемой иммиграции. Но даже если не считать незарегистрированных жителей, то и в этом случае общая численность населения страны за 10 лет изменилась мало: 147,4 млн человека в 1989 г. и 148,7 млн в 1992 г. (период роста); 148,4 млн в 1994 г. и 146,7 млн в 1998 г. (период падения). За 1999 г. Госкомстат дал драматическую величину падения общего количества жителей — 1,2 млн человек (до 145,5 млн на 1 января 2000 г.). Это в три раза больше, чем в предыдущие несколько лет, когда каждый год население уменьшалось примерно на 300 — 400 тыс. человек.

У серьезных специалистов такие данные вызывают вопросы. Что должно было случиться, если при схожей динамике определяющих численность населения факторов (снизилась только зарегистрированная иммиграция) статистика зафиксировала столь сильное сокращение общей численности? На протяжении скольких лет она должна уменьшаться на 750 тыс. ежегодно, чтобы сделать апокалептический вывод о сокращении населения на 12 млн через 15 лет? Наталья Римашевская предсказывает, что в 2075 г. в стране будет около 50 млн жителей ("Независимая газета". 2000. 9 янв.). Давать такой прогноз можно только в уверенности, что до момента спроса за него сами прогнозисты просто не доживут. *Абсолютно уверен, что при всей сложности демографической ситуации подобного сокращения населения в России не будет.*

Кого и как считать

Как бы ни было сложно считать мигрантов и незарегистрированных жителей, делать это необходимо. Иначе получается, что Госкомстат России и ряд ученых фактически поставляют искаженную информацию о демографической ситуации в стране, квалифицируя некоторые кризисные явления, а также факт уменьшения постоянного населения как "демографическую катастрофу". Эту подсказку еще до Владимира Путина повторил Михаил Касьянов, когда, выступая в Государственной думе во время процедуры утверждения в должности премьер-министра, сообщил о снижении численности населения России на мифические 7 млн человек. Но такого на самом деле нет, даже если это данные Госкомстата, который сейчас считает только тех граждан и неграждан, на кого местные паспортные столы передали талоны регистрации. Добрая часть этих талонов может валяться по паспортным столам значительное время или совсем не передаваться в вышестоящие органы. А сколько миллионов жителей предпочитают не иметь дело с паспортными столами, к сожалению, не известно даже приблизительно.

Еще более непрофессиональными выглядят прогнозы скорой депопуляции России и "вымирания" русских. Некоторые обличители "антинародного режима" Горбачева — Ельцина — Путина или просто заблуждающиеся специалисты предсказывают, что к 2020 — 2025 гг. население страны составит 100 млн человек ("Независимая газета". 2000. 9 янв.) и что численность этнических русских якобы снизится до 65 — 70 млн, а к середине нового века дойдет до 35 — 40 млн! Историк Юрий Кобищанов объявил, что "к 2020 г. число потомственных (?! — В.Т.) русских в России должно сократиться до 85 млн и в дальнейшем будет продолжать уменьшаться" ("Независимая газета". 1995. 2 окт.).

Эти данные о том, "сколько нас останется в России" (сама фраза выдает заданный настрой), строятся на примитивных проекциях графиков рождаемости и смертности в стране на примере всего нескольких лет и без учета детей вновь прибывших жителей.

Прежде всего никто и никогда для большого и сложного по составу населения государства таких долговременных графиков не строит. Демографическое поведение людей достаточно причудливо и не связано жестко с "обнищанием" или "ограблением" народа. Рождаемость может увеличиваться в самые тяжелые времена и среди относительно бедных групп населения. Еще следует толком изучить, что повлияло больше на сокращение рождаемости в России в 90-е годы — "шоковая терапия" или радикальные сдвиги с точки зрения доступности противозачаточных средств, возможностей выполнения более современных тестов и более простых операций по прерыванию ранней беременности. Сказался и отъезд за границу в более богатые страны на учебу и работу многих молодых людей — фактор, который в объяснениях специалистов фактически не присутствует. Но самое важное то, что даже незначительное улучшение экономической ситуации и психологического климата может сильно повлиять в ближайшем будущем как на рождаемость, так и на иммиграцию в Россию. Поэтому рисовать ужасающие графики крайне рискованно, тем более, что ничего аналогичного в недавнем историческом опыте нашей и других стран не наблюдалось. Нам неизвестны современные государства, где бы население или доминирующая этническая общность сократились вдвое или втрое за 30 — 50 лет.

Приходится также напоминать, что динамика численности населения страны складывается далеко не из одного только естественного движения населения. *Иммиграция в Россию будет возрастать с учетом ее огромной притягательности для культурно близкого населения других стран бывшего СССР и даже для жителей других стран, прежде всего для китайцев.* Послед-

ние не представляют собой носителей некоей неадаптируемой “чуждой цивилизации, как считают некоторые специалисты. Китайцы прекрасно адаптируются во многих странах, в том числе европейских, и даже без знания русского языка могут составить серьезную конкуренцию на рынке труда иммигрантам из той же Средней Азии. Я не являюсь сторонником массового заселения Сибири и Дальнего Востока выходцами из Китая, но необходимо обсуждать привлечение китайской рабочей силы в страну и ее рациональное размещение, а не произносить воспаленные и необоснованные сентенции насчет якобы уже происходящей китайской экспансии на Дальнем Востоке. Эти последние — наиболее яркая демонстрация некомпетентности специалистов и зашоренности политиков.

Уже состоявшаяся иммиграция и неизбежная (к большому благу для страны) будущая иммиграция обязательно повлияют на рост рождаемости в России в самые ближайшие годы. Все выстраиваемые графики грозящей демографической катастрофы ровным счетом ничего не стоят. Они, кстати, очень лукавы, ибо сходная ситуация существовала на территории РСФСР (особенно в так называемых русских областях) и в 70—80-е годы, а общий рост населения СССР обеспечивался благодаря росту населения республик Средней Азии и Закавказья, а не собственно России.

Рецепты вместо фраз

Период реформ в России действительно связан с серьезными демографическими проблемами. Прежде всего это относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей. Но ни одна из этих проблем не может квалифицироваться как катастрофическая, кроме мужской смертности среди средних возрастов, тем более, что драматические фразы делу не помогут: рожать от этого больше не станут, людей на дорогах будет гибнуть не меньше и травиться алкоголем также. Нужно действовать по конкретным направлениям сохранения здоровья и жизни людей и содействия рождению второго и третьего ребенка в семье, в том числе выделять для этого государственные средства. Не помешают и пропаганда здорового образа жизни и деторождения, меры против курения, производства некачественной водки, травматизма. *А самое важное — внушение жителям страны, каждому человеку, начиная с малого возраста, что прежде всего сам человек ответственен за свое тело и за его здоровое состояние. Уверен, что в вопросах смертности фактор пренебрежения здоровьем весомее факторов доступности лечения и недостаточного питания.*

Предстоящая в 2002 г. перепись должна будет решить важнейшую задачу — установить более или менее точную численность населения России. Неучтенное население — извечная проблема переписей, но должны быть предусмотрены дополнительные меры, чтобы сотни тысяч сезонных (часть из них фактически постоянные жители) рабочих и предпринимателей, которые занимаются строительством или торговлей в Москве и других городах или строят частные коттеджи в Подмосковье, попали в поле зрения переписчиков. Тем более данные не будут точными, если перепись не учтет миллионы жителей без российского гражданства или выехавших из зон конфликтов, которые могут просто побояться встречи с переписчиком. Закрытые железными дверьми подъезды домов и квартир — это, пожалуй, главная проблема будущей переписи. Уже сейчас необходимо объявить законодательную гарантию, что индивидуальные переписные данные не могут быть предоставлены никаким ведомствам и службам, судебным, налоговым и миграционным органам, ни по каким частным запросам, включая исследователей (только по истечении минимум 50 лет). За нарушение — пять лет тюрьмы и 5 тыс. долл. штрафа, как, например, в США. Только так можно создать климат доверия, без которого перепись будет просто выброшенными на ветер деньгами.

Как считать бедность и богатство?

Еще более важен вопрос об оценке социальных условий жизни. Доминирующая позиция обществоведов и политиков сводится к тому, что в годы реформ произошло всеобщее обнищание и грандиозное социальное расслоение населения страны. Обычно считалось, что 10% граждан выиграли от реформ и 90% проиграли. Недавно Григорий Явлинский публично заявил, что 97% населения страны живет в нищете. Аналогичные утверждения присутствуют в повседневной риторике Геннадия Зюганова. Правда, в последнее время среди специалистов появились некоторые поправки в пользу "выигравших". Однако эмоциональная предубежденность настолько сильна, что затрудняет спокойный анализ.

Те, кто говорит об "обнищании народа", убедительных аргументов, кроме малонадежных данных о сокращении потребления и об ухудшении состояния здоровья, об обследованиях домохозяйств по устаревшим или неподходящим для российской ситуации методикам, не приводят. Н.М. Римашевская пишет об очагах концентрации бедности и называет одним из первых среди них Северный Кавказ. Посетив в июне 2000 г. Дагестан (если верить статистике и даже хорошим специалистам

это самый бедный, депрессивный и на 90% дотационный регион страны), я еще больше убедился, что существует грандиозная мистификация относительно реального положения дел в стране. Современный Дагестан видится мне динамичным обществом, где люди одержимы исполнением своей основной миссии — социальным обустройством собственной жизни, мобилизуя для этого не только изобретательное предпринимательство (в Махачкале, например, около 4 тыс. частных “Газелей” и “Соболей” обслуживают пассажирские и транспортные перевозки), этнические и родственные коалиции, неправовые методы (воровство и мафиозные структуры), но и отчаянный торг с Центром за дополнительные ресурсы. В итоге по крайней мере равнинная часть республики от Кизляра до Дербента, где сосредоточено около 70 — 80% населения, совсем не демонстрирует бедность, если брать в расчет размеры и качество жилья, потребляемые товары длительного пользования и престижного характера. Общие данные о состоянии здоровья населения по Северному Кавказу выглядят лучше, чем в других регионах страны, кроме Центрального. Хотя в сельских районах республики распространен туберкулез, имеются проблемы с детской смертностью и здоровьем женщин. Здесь есть над чем задуматься экспертам, если они хотят действительно “замерить” и “сосчитать” местные сообщества.

Одинокие нищие на российских городских улицах не идут ни в какое сравнение с уличной нищетой Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Тем, кого смущают подростки, продающие газеты или моющие автомобили в учебное время, можно посоветовать познакомиться с улицами мексиканских, бразильских или индийских городов. Россияне просто не видели, что такое подлинная нищета. Когда многие обездоленные (в большинстве своем нуждающиеся в лечении от алкоголизма) оказались доступны невооруженному глазу, а социальная расслоенность проявилась за пределами обкомовских заборов, то это вызвало у наших людей психологический шок. Не составляют исключения и профессиональные обществоведы.

Но главное состоит в относительности самого понятия “бедность” или “обнищание”. Бедность в Великобритании или в США — это не бедность в Индии или в странах Африки. Смею утверждать, что Россия в данном случае скорее попадает в первую категорию (точнее, в категорию стран Восточной Европы, Балтии и западной части стран СНГ), чем во вторую. Наша бедность никак не согласуется не только с хорошей одеждой и драгоценностями в ушах жалующихся, но и с более глубокими социологическими и демографическими характеристиками феномена бедности. Назову моменты, которые говорят скорее о “психологической” бедности образованного и

имеющего высокие социальные ожидания населения, а не о реальной нищете.

Например, 10 из наиболее бедных стран, ныне переживающих посткоммунистические трансформации (с совокупным доходом менее 1000 долл. на человека в год), имеют среднюю детскую смертность 37 на тысячу рожденных и доживших до одного года. Если взять страны остального мира с подобным уровнем доходов, то там средняя детская смертность составляет 81 на тысячу! Грамотность среди взрослого населения в этих 10 странах достигает 98%, а в остальных странах той же категории — не более 70%. Общая рождаемость находится на уровне 2–3 детей по сравнению с 5 детьми в остальных странах мира с аналогичными доходами. Другими словами, если некоторые посткоммунистические страны (кстати, Россия числится в более благополучной категории по уровню доходов, т.е. выше 1000 долл. в год на человека) действительно имеют бедное население, тогда в них должно умирать больше младенцев и гораздо больше рождаться, а также не может быть так много грамотных людей, ибо это тоже стоит больших денег.

Рост числа вузов и студентов в стране в последние годы и резкое увеличение набора студентов в 2000 г. говорят о том, что люди могут позволить себе высшее образование (вместо необходимости зарабатывать на хлеб), и таких людей, возможно, даже больше, чем это необходимо для страны. Слишком большое количество людей с вузовскими дипломами среди жителей Косово, Северного Кавказа и Закавказья (пропорционально выше, чем во Франции или Англии!) явно не способствовало стабильности в этих регионах.

Мимо чего проходят эксперты

Моя позиция "в России жить стало лучше, но сложнее" лишь отчасти является формой гуманитарной терапии. На самом деле это вызов несостоятельному отечественному обществоведению, которое несет часть ответственности за хождение таких метафор, как "катастрофа" и "обвал", ибо порождает подобных чудовищ прежде всего в головах людей. Статистика не может вырваться из этого дискурса, ибо сама делается распространяемыми людьми или просто обслуживает политический запрос. Как можно оставлять без внимания наличие почти 40 млн земельных участков в собственности граждан, большая часть из которых получена и обустроена именно в последние десять лет? Статистика почти обходит частное загородное строительство, в том числе дополнительные постройки, перестройки и прочие улучшения, поскольку очень многие владельцы недвижимости не могут преодолеть канитель регистрации

домостроений или не желают этого делать. Очень вероятно, что многие не сообщат данные сведения и в ходе переписи. Но именно сюда (новые дома и квартиры) ушли основные ресурсы и средства граждан (в основном "изъятые" или, если хотите, украденные у государства и из окружающей среды), если не считать многочисленных квартирных улучшений, таких, как новые окна, двери, сантехника, ремонт комнат и прочее. Перепись может не зафиксировать и миллионы загородных особняков, ибо подавляющее большинство их считаются недостроенными или официально не оформлены. Если все это окажется проигнорировано, то цена предстоящей переписи, с точки зрения изучения социальных условий, будет ничтожной.

На чем основана моя убежденность в том, что уровень и объем социальных улучшений гораздо больше, чем нас убеждают статистика, некоторые ученые и публицисты? Во-первых, я опираюсь на некоторые макропоказатели, такие, как, например, производство в стране кирпича и других строительных материалов, количество потребляемой населением электроэнергии, объем производства и импорта легковых автомобилей, мебели, телевизоров, холодильников, текстиля, предметов быта и обихода, лекарств и многих других необходимых вещей. Не может же все это "скушать" мафия или даже 10% "другой России", если легковая машина (особенно после появления действительно "народного автомобиля" — вазовских моделей) стала достоянием почти каждой семьи (если считать родителей и детей).

Во-вторых, есть определенные этнографические данные. При всем уважении к представительным обследованиям бюджетов домохозяйств, о котором упоминают авторы статьи в "Независимой газете" (2000. 6 марта) Владимир Иванов и Анатолий Суворов, наши наблюдения в малом уральском городе Нижние Серги (17 тыс. жителей) и нескольких деревнях, не говоря уже о московской агломерации, приводят к иному выводу. Хотя расчеты валового внутреннего продукта или доходов домохозяйств, используемые для оценки уровня бедности, как правило, включают в себя оценки теневой экономики, более вероятно, что компенсация экономического спада деятельностью в неофициальном секторе намного больше, чем принято считать. Эта деятельность и многие другие механизмы "выживания" остаются вне сферы охвата статистики. Важнейшим моментом замещения доходов является, например, гораздо большая степень перераспределения средств в рамках родственных связей, когда более состоятельные родственники оказывают помощь менее состоятельным. Частные формы такого вспомоществования в некоторой степени заменили былую систему социального обеспечения. Добротной

антропологии такого рода новых социальных отношений у нас, к сожалению, нет.

Безусловно, в стране имеются случаи, когда родители живут на детские социальные пособия. Но не менее очевидно и другое: сегодня намного больше молодых людей помогают даже еще не старым и работающим родителям, чем это было в прошлые времена. Вся статистика говорит о том, что молодые когорты самодеятельного населения гораздо больше преуспели в новых условиях, и эта ситуация однозначно принимается родителями. Отсюда один из моих выводов: улучшение жизни детей есть общее улучшение, причем не только в перспективе, но и уже сегодня.

В ходе начатой мною дискуссии обнаружился еще один существенный момент, который затрудняет выявление истины. Это — эмоциональная обостренность личного восприятия анализируемой проблемы. Многие мои коллеги готовы обсуждать данные вопросы, но только без саморефлексии и без проекции оценок на ближний круг социальных связей. Несколько сот членов Российской академии наук одобрительно выслушивают выступление академика Д.С. Львова о катастрофическом положении в стране, но не видят того, что у подъезда их ожидают водители служебных автомобилей, и эти водители, кстати, тоже стали жить лучше и уже имеют собственные автомобили. Еще десять лет тому назад у здания МГУ не было принадлежащих студентам автомобилей. Сегодня с трудом находится место для парковки. Но тогда все-таки в какой степени люди науки и студенты действительно пребывают в бедности? И можно ли оценивать их положение по заработной плате и стипендиям? В Дагестане средняя заработная плата научных работников составляет 700 руб. в месяц. Но двое дагестанских коллег, с которыми я беседовал, признали, что брак их молодых отпрысков стоил им по 15 — 20 тыс. долл. личных средств.

Что и как считать в многоэтнической стране?

Это важный вопрос дискуссии, связанный с новой переписью населения. Он сложнее, чем представляет себе Госкомстат, хотя в нем работают хорошие специалисты. Прежде всего надо уяснить, что мы собираемся установить — некую номенклатуру "национальностей, национальных или этнографических групп" (так сейчас звучит формулировка вопроса переписи) или наличие у российских граждан различных форм этнокультурной идентичности, которые часто носят множественный и не взаимоисключающий характер? В большинстве развитых стран, проводящих переписи, данные об этническом составе населения или совсем не фиксируют (там предпочитают спра-

шивать о языке, религии или расе) или фиксируют этническую принадлежность в ее множественном варианте.

Последняя перепись населения США, проведенная в начале 2000 г., позволяла давать множественный ответ не только на вопрос об этническом происхождении, но и на вопрос о расе.

Что-то похожее мы имеем в России применительно к категории "национальность". Существовавшее на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) понимание этой субстанции привело к глубокой вере в то, что население стран состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей. К тому же большинство этнических общностей прошло этап обучающей "национализации", т.е. их представители считают себя "нациями", и это косвенно признается государством в конституционной записи о многонациональном народе России. Понятие "национальность" в смысле этнической, а не гражданской принадлежности ввелось в сознание довольно глубоко. Однако ждать, когда политики и ученые дойдут до понимания проблемы, уже невозможно. Перепись 2002 г. следует провести по современным канонам применительно ко многим аспектам, особенно касающимся национальности.

Перепись отличается тем, что собирает агрегированные данные об этнической (национальной) принадлежности, т.е. как бы устанавливает количество и численность проживающих в стране этнических общностей (народов). Делается это на основе индивидуальной идентификации, кроме малолетних, за которых решают родители. Длительные споры идут о том, сколько народов реально проживает в стране. Некоторые ученые полагают, что для выяснения полной и объективной картины необходимо только позволить фиксировать все самоназвания и не заниматься их корректировкой через "встречный" список народов, который подготовлен учеными. Этот подход исходит из той же посылки, что где-то в глубине личного сознания существует подлинное "национальное или этническое самосознание", выражаемое в групповом самоназвании. Это самовыражение якобы не имело места в прошлом, поскольку не поддерживалось государством и экспертами, которые не желали "признавать этносы". Следует сказать, что в советский период манипуляции с перечнем национальностей были довольно частыми и во многих случаях откровенно насильственными. Более того, даже сам по себе встречный список народов — это всегда не расширение, а сужение числа этнических единиц. Но было и мирное конструирование "социалистических наций и народностей", в том числе и по рекомендациям ответственных ученых, по выбору местных элит и даже по причине благозвучия. Проблема с данным подходом объясняется другими при-

чинами. Во-первых, наивной верой, что этническая идентификация всегда главнее других форм социальной идентификации и что она всегда четко осознается человеком. На самом деле феномен этничности имеет более сложную природу, в том числе и прежде всего на личностном уровне. Этническая идентичность может носить многоуровневый характер, и трудно сказать ботлихцу, цумандинцу или ахвахцу, что он не может называться также и аварцем, или эрзянец не может одновременно называться мордвой (такая ошибка уже была допущена в переписи 1994 г.).

Во-вторых, в стране проживают миллионы граждан смешанного этнического происхождения, разделяющие культуру, язык и самосознание как минимум обоих своих родителей. Этих людей больше нельзя ставить перед необходимостью взаимоисключающего выбора, даже если они привыкли так делать в предыдущие времена, не подозревая, что имеется и другой выбор — за пределами госинструкций.

В-третьих, этническая самоидентификация столь подвижна, что даже если одна перепись зафиксировывает "полную картину этносов", то следующая даст наверняка другой список — больший или меньший, но обязательно отличный от предыдущего. К тому же право менять и определять свою национальную принадлежность и даже указывать или не указывать ее является полной прерогативой отдельного человека. Поэтому отказ от списка ради "открытого листа", но с той же самой методологической установкой ничего не даст, кроме сумятицы и новых споров о том, что есть народ, этнос, нация, этнографическая группа и т.п. Не поможет здесь и предложение ввести иерархию этнических общностей как по линии "в основном проживающие на территории Российской Федерации" и "в основном проживающие за пределами", так и по линии вертикальной иерархии (этносы—субэтносы): например, казаки или поморы как субэтносы русских, а болгары или мишари как субэтносы татар, дигорцы как субэтнос осетин и т.д. В конечном списке все равно останутся национальности *казаков*, *болгар*, *дигорцев* и многие другие, которые или в списке не присутствовали, или находились в некоей подкатегории.

В нынешней общественно-политической ситуации идеальный с точки зрения современной науки вариант переписи этнических общностей нам представляется невозможным. Дай Бог преодолеть давление националистических сил и внедряемые местными администрациями республик ассимиляционистские установки в пользу так называемых титульных национальностей. Не исключено и давление со стороны шовинистических групп и политиков с целью приумножить "государствообразующий этнос". Отчаянную мобилизацию вокруг переписи

си могут устроить и лидеры малых групп, не имеющих территориальных автономий. Здесь важнее сохранить как можно больше свободы спокойного выбора при разумных разъяснениях со стороны переписчиков. А разъяснения эти должны быть следующими. Вы можете указать одну или несколько этнических (национальных) принадлежностей или никакой: например, русский и еврей или русский еврей, украинец и армянин, татарин и башкир и т.п. Вы можете указать сложную национальность, обозначив ее через дефис: например, мордва-эрзя, осетин-дигорец, русский-казак, калмык-казак, русский-помор, татарин-кряшен и т.п. Таковы на данной стадии мои предложения.

И все же в соответствии с существующей в стране практикой Институт этнологии и антропологии РАН подготовил для Госкомстата России "Перечень национальностей и этнических групп для разработки материалов всероссийской переписи 2002 г.", в котором значится 158 названий (точнее сказать, категорий учета). Это на 30 единиц больше, чем в переписи 1989 г. Но на самом деле в нем 60 новых названий, ибо исключены 30, которые были в последней советской переписи. Неправомерно считать отдельными "народами России" несколько десятков или даже сотен австрийцев, албанцев, американцев, англичан, арабов, афганцев, венгров, голландцев, испанцев, кубинцев, португальцев, румын и т.д., как это было в нескольких прошлых переписях. Вместе с немногочисленными представителями примерно еще одного десятка народов, ныне проживающих главным образом в других государствах бывшего СССР, все они перейдут в категорию "другие национальности" без всякого ущерба для науки и статистики.

Смогут ли ученые и статистики определить по итогам переписи тот самый "настоящий" список национальностей — это уже другой вопрос, и он не имеет принципиальной важности, ибо *в России живет один народ — россияне, отличающийся, как и народы других государств, богатством своей культурной сложности.*

ЯЗЫК И АЛФАВИТ КАК ПОЛИТИКА*

В Республике Татарстан возникла проблема общегосударственного значения, хотя речь идет всего лишь о смене алфавита татарского языка с кириллицы на латиницу. Руководство Татарстана и часть местной интеллигенции инициировали принятие республиканского закона, который предусматривал начало реформы с сентября 2001 г. Еще раньше этому предшествовала принятая в 1991 г. "Концепция развития татарского просвещения", которая определила курс на последовательную автономизацию так называемой национальной школы Республики Татарстан, ее организационную и содержательную изоляцию от национальной российской школьной системы.

Что такое национальное образование?

Основной аргумент состоит в том, что латиница более адекватно отражает фонетический строй татарского языка, а длительное существование кириллицы наносило ущерб функциональному развитию этого языка, принося неудобства его носителям. Приводятся мнения республиканских политиков, что языковые вопросы решает народ, которого это прежде всего и касается, а остальное общество и федеральные власти не должны здесь навязывать свое мнение. Одним из основных аргументов в пользу реформы приводится решение Всемирного конгресса татар — эпизодического собрания "гостей республики", по сути своей никого не представляющего и крайне политизированного.

То, что данный вопрос носит политический характер и является рецидивом татарского этнонационализма, имеет целый ряд подтверждений. В политической повестке он стоит еще с начала 1990-х годов. Указом президента Татарстана в 1997 г. предусматривалось совершенствование графики —

* Статья послужила основой газетной публикации под названием "Алфавит как политика". См.: Труд. 2001. 21 фев. С. 5.

кириллицы, на которой татарский язык успешно развивался почти 70 лет, и даже самые выдающиеся специалисты не выступали в пользу латиницы, хотя эти вопросы не были закрыты для обсуждения в послесталинские времена. Однако тенденция перехода на латиницу взяла верх, причем одним из основных аргументов была геополитика — выход на тюркоязычный мир и вхождение в мир массовых коммуникаций.

Вопрос о смене алфавита был поручен или инициирован в его законченной форме Институтом истории Академии наук Татарстана, возглавляемым политическим советником Минтимера Шаймиева Рафаэлем Хакимовым. При этом институте существует Центр истории и теории национального образования, который и представил "Национальную доктрину развития образовательно-воспитательных систем в республике Татарстан". Цель доктрины — отказ от унитарной системы и создание национальной системы образования. Скорее всего, речь идет о реформе всей школьной системы в республике. Как упоминается в документе, "вполне понятно, что в скором будущем придется отказаться от московских программ и учебников и подумать о составлении своих учебно-методических пособий для русских школ, поскольку реорганизация унитарной системы образования в национальную касается и функционирующих на территории республики русских школ".

Данная позиция рассматривать республиканские системы образования как "национальные" происходит из советской доктрины так называемой национальной школы, под которой имелась в виду (этот взгляд сохранился и до сих пор) не государственная (т. е. национальная) система образования, а этнокультурно ориентированная система обучения. При Министерстве образования РФ и Минфедерации РФ до сих пор действует Институт национальных проблем образования, который и сегодня рождает концепции "национального образования". Их авторы фактически предлагают обучать некоего коллективного субъекта под названием "этнос", а слово "ученик" даже и не упоминается. Не удивительно, что исходящая из Москвы саморазрушительная логика этнического, а не гражданского образования нашла свое полное завершение в татарстанской доктрине, в которой вообще не идет речь о формировании гражданского сознания молодых россиян: "Национальная доктрина образовательно-воспитательных систем в Республике Татарстан" является отражением государственной политики в области образования. В ней последовательно проводится идея суверенизации Республики Татарстан, по которой республика должна находиться "не внутри России и не вне России, а рядом с Россией". Откровенно говоря, софистика татарского нацио-

нализма может быть утомительной и казаться болезненно навивной, но было бы ошибкой не противопоставлять ей другие аргументы, которые должны быть в распоряжении одной из самых мощных и достойных национальных образовательных систем мира, каковой была советская, а ныне является российская система образования.

Место языка в современном мире

Язык — это важнейший механизм формирования культурной отличительности, существенный элемент индивидуальной и коллективной идентичности. “Без языка нет и народа”, — считают некоторые политики и ученые. И каким быть татарскому языку и используемому им алфавиту, должны решать сами татары. До этого за них чаще решали волевым путем государство и московские эксперты. Однако все не так просто, как кажется на первый взгляд. Есть вопросы, которые нельзя сводить к лингвистическим дебатам или к эмоциональным и политизированным аргументам. Их следует задать сейчас и получить на них ответы.

С точки зрения ученых, все языки равноправны, если они адекватно выполняют свою роль в системе коммуникации культурно схожих людей. С позиции современной науки, даже широко распространенное деление на языки и диалекты является условным и во многом зависит от политики и от властных отношений. Есть яркое выражение: “язык — тот же диалект, но только с армией”, а “диалект — тот же язык, но без армии”. Другими словами, за кем больше властных ресурсов — у того больше возможностей утвердить свою систему коммуникации в качестве главной или более привилегированной. Но в любом государстве всегда существует языковая асимметрия. Один язык, обычно более многочисленной этнической группы, доминирует над языками меньшинств, вплоть до того, что языки малых групп могут со временем оказываться в маргинальном положении или совсем исчезнуть. Так было на протяжении всей человеческой истории. Причем доминирование языка большинства населения в одном государстве далеко не всегда происходит под воздействием силы. Часто — это результат экономических и социальных факторов, рационального выбора людей, родительских стратегий в отношении собственных детей.

С момента возникновения современные государства всегда стремятся к языковой унификации, к тому, чтобы население могло говорить на одном языке. Единый язык — это средство национальной консолидации и заметный маркер, отличающий население одного государства от внешнего мира. Но эта идеальная норма в реальности не существует. Языков в мире око-

ло 4–5 тыс., т.е. их гораздо больше, чем государств и даже этнических общностей. Максимум, чего добиваются государства, так это закрепление за одним или несколькими языками официального статуса, на которых должна общаться государственная бюрократия и отдаваться военные приказы.

Современные государства с демократическими нормами правления признают языковое разнообразие своего населения и даже поддерживают его (особенно малые языки), а также гарантируют языковые права представителей меньшинств. В Италии, например, представители немецкоязычного меньшинства, проживающие на севере страны, обеспечены необходимым корпусом немецкоязычных судей вплоть до Верховного суда, где обязательно есть один из судей, владеющий немецким языком. Я уже не говорю о таких вещах, как сфера государственных услуг или надписи в публичных местах. В США уже в аэропорту Кеннеди вас сейчас встречают надписи, исполненные на английском и испанском языках, поскольку несколько десятков миллионов американцев говорят на испанском.

Для кого русский язык родной в России?

В России наиболее широкое распространение получил русский язык, на котором может говорить все население страны, но в то же время сохранились многие языки, несмотря на сокращение числа их носителей и сферы использования. Сегодня русский язык является родным языком не только для этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей, ибо по всем мировым стандартам родной язык — это материнский или первый выученный в детстве язык. Таким образом, *русский язык является культурной собственностью и капиталом не только русских, но и большинства мордвы, угуртов, чувашей, бурят, осетин и многих других, включая тех же российских татар.*

Переход на русский язык многих представителей других народов представляет собой выбор (иногда добровольный, иногда вынужденный) в пользу языка, который дает больше возможностей для жизненного преуспевания граждан в едином государстве, для большей социальной и пространственной мобильности людей, живущих в одной стране. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам (наряду с английским, испанским, французским и арабским). На нем функционирует одна из крупнейших мировых культурных цивилизаций. Знание русского способствует восприятию более широких мировых культурных ценностей и широкому взаимодействию в международном масштабе. Не зря, выехавшие в Израиль российские евреи сохраняют знание русского языка

и даже требуют его признания как одного из официальных языков государства наряду с ивритом и арабским.

В этой связи, прежде чем решать языковые вопросы в новых демократических условиях, нужно сменить некоторые старые доктринальные установки и начать считать родным языком не тот, который совпадает с национальностью одного или обоих родителей, а язык, который является для человека первым языком, включая и домашнее общение. Кроме того, необходимо перестать считать русский язык родным только русских. При этом следует противостоять аргументу радикальных националистов, что утрата, точнее смена языка, однозначно ведет к утрате этнической идентичности и к исчезновению отдельного народа. В мире огромная масса народов, большинство представителей которых (или целиком все) сменили язык и говорят на "чужом" языке, но от этого не утрачивают своей идентичности.

В России ситуация обстоит точно так же, и фактическая степень распространения и использования русского языка гораздо выше, чем об этом свидетельствуют данные прошлых переписей, когда, например, многие родители записывали своим детям родной язык, на котором они не знают ни одного слова, но зато прекрасно говорят по-русски.

Новый порядок вопросов в переписи 2002 г. поможет точнее определить языковую ситуацию в стране, ибо теперь сначала будут задавать вопрос об языке, а потом о национальной принадлежности, а не наоборот. Хотя рост этнонационализма среди нерусских народов в последние годы (иногда его называют "национальным возрождением") может отчасти нейтрализовать эту более точную процедуру в ходе переписи. Но в любом случае специалисты знают, что россияне, для которых русский язык является основным, гораздо больше, чем об этом гласит переписная статистика. Не являются исключением и российские татары, для многих из которых русский язык — это их родной язык.

Культурный раскол татар

Можно ли осуществить политическими, законодательными и другими мерами полный возврат татар к татарскому языку? Скорее всего, нет, тем более, что большинство татар живет за пределами Татарстана, и местное законодательство и образовательно-информационная политика их фактически не достигают. По крайней мере подобные усилия в полностью независимой Ирландии уйти от английского и вернуться к ирландскому закончились неудачей.

Это означает, что большинство российских татар продолжат пользоваться и русским языком и кириллицей, не

переставая считать себя татарами. *Переход части татар на латиницу будет означать культурный раскол среди самих татар*, которые и без того неоднородны, и в переписи 2002 г. часть татар образуют новые группы (например, кряшены), которые до этого не допускал официальный список народов СССР.

Раскол двух общин Татарстана

В какой мере смена алфавита отвечает интересам и учитывает права населения Республики Татарстан и насколько она будет способствовать консолидации местного татарстанского сообщества? Все ссылки на мнение или на волю народа в данном случае малосостоятельны. В Татарстане — государственном образовании, созданном от имени всего народа республики и существующем за счет всех налогоплательщиков, никакого референдума по данному вопросу не проходило. Но даже если бы такой референдум состоялся, то, как и все постсоветские референдумы, он еще раз показал бы возможность высокой степени манипулирования мнением населения, не обладающим пока достаточной гражданской и политической культурой. Тем более, что нетатарская часть населения республики в данный исторический момент политически организована гораздо слабее и явно недопредставлена в органах власти, особенно в Государственном совете. Так стоит ли пользоваться этим, вероятно, временным преимуществом при решении вопросов, которые затрагивают судьбу будущих поколений?

Ясно, что не менее половины населения республики, включая и тех, кто еще будет проходить обучение, на использование латиницы в своей языковой практике переходить не будет, продолжая пользоваться кириллицей. Таким образом, *переход на латиницу может означать не только культурный раскол среди российских татар, но и социально-политическое отчуждение между двумя основными общинами республики*, отношения между которыми до сих пор были, по российским меркам, почти образцовыми и в любом случае мирными. Именно с подобных расколов по вопросам языковой политики (даже не использования языка, а именно политики) начинались многие открытые конфликты в сложных сообществах.

Отказ от культурного наследия

Смена алфавита связана и с судьбой огромного по значимости татарского культурного наследия и ценностей, созданных в XX в. в советский период, когда практиковалась кириллица. По своей значимости (особенно это касается письменной культу-

ры) последние 80 лет превосходят все другие предшествовавшие эпохи в истории татарского народа. Именно в этот период пришла всеобщая грамотность населения и было написано и издано не менее 90% всей литературы разного характера, начиная от художественной и научной вплоть до учебников и технических инструкций. Если подобные реформы в начальный период советской власти затрагивали только малую часть населения и сравнительный мизерный по объему культурно-информационный пласт народа (хотя среди татар и был высокий уровень грамотности), то сейчас речь идет о судьбе основного культурного фонда. Для этого достаточно заглянуть в каталоги татарстанских библиотек.

Переход на латиницу предполагает забвение кириллицы, ибо выучившие латиницу дети должны будут читать другую литературу, но какую? Сами же татарские специалисты и политики осуждают смены алфавита в 1920-е годы, так как татарам пришлось исключить из своего культурного багажа созданные тексты на арабской графике. Но по сравнению с татарским кириллическим письменным наследием арабоязычное не идет ни в какое сравнение. Еще несколько лет тому назад некоторые энтузиасты латиницы приводили в ее пользу аргумент бурно развивающегося на латинице мирового Интернета, но сейчас русскоязычный Интернет — один из самых быстро растущих в мире.

Переход на латиницу означает отказ живущих в Татарстане татар от большей части собственного письменного наследия, созданного в XX в. В отличие от начала века письменная культура стала основным и всеобщим достоянием представителей того или иного народа. Если в Татарстане станут ненужными десятки миллионов экземпляров книг, тогда Фонд гуманитарного содействия Чеченской республике первым подаст заявку на пересылку семейных библиотек из непросторных татарских квартир в Чечню, где все библиотеки разорены и книги сгорели.

Судьба татар в России

Как повлияет смена алфавита в Татарстане на статус и перспективы проживающих в республике казанских татар в общероссийском культурном и социально-политическом пространстве? Сегодня татары — это один из наиболее модернизированных и конкурентных народов страны. Наряду с русскими татары — одни из основных создателей исторической российской государственности. В какой мере латиница предоставит им дополнительные преимущества в жизненном преуспевании в рамках всей страны и не станет ли она одним из препятствий

в социальной мобильности, сдерживая развитие народа в нынешних более конкурентных условиях? Нам представляется, что *переход на латиницу приведет к неоправданному дистанцированию от общероссийского пространства, а точнее, к росту изолированности этой части граждан от остального населения страны* по элементарной причине недостаточного знания кириллицы, а значит, и русского языка. Сегодняшнее двуязычие казанских татар — их большое преимущество, а при наличии двух алфавитов они лишатся его.

Нам представляется, что чисто фонетические проблемы могут решаться дополнительной адаптацией той же самой кириллицы к фонетическому строю татарского языка. Подобные реформы делаются и сейчас во многих странах, а современные компьютерные технологии вообще снимают вопрос даже о введении в кириллицу латинских графических элементов. Достаточно на клавиатуре одновременно нажать две клавиши.

Меньше всего я бы сводил названные проблемы к вопросу о геополитических проектах со стороны татарского национализма и сочувствующих или использующих его внешних сил, а тем более к вопросу об угрозе национальной безопасности России: в СССР одновременно существовали четыре алфавита, однако государство распалось не по этой причине. И хотя эти проблемы пока никем не обозначены, от ответа на них уходить не стоит.

КРИЗИСНАЯ ПАРАДИГМА В РОССИИ

В 2000 — 2001 гг. я посетил ряд волжских городов, в том числе Ярославль, Кострому, Кинешму, Нижний Новгород, Казань, Самару, Ульяновск, Саратов, Волгоград, Астрахань. Последняя поездка в августе от Казани до Астрахани была связана с участием в международной конференции “Великий Волжский путь”, организованной коллегами из Татарстана в связи с подготовкой празднования 1000-летия Казани в 2005 г. Осматривая останки древнего города Булгара, стоявшего почти тысячу лет тому назад на высоком волжском берегу в центре важнейшего торгового пути между Северной Европой и бассейном Каспия, невольно думаешь, сколько еще тайн хранит наша история, несмотря на героические усилия ученых — археологов и историков реконструировать прошлое. Но и сегодняшняя наша жизнь не столь проста для понимания современниками, как, вероятно, она была не во всем ясна путешественникам, особенно из дальних стран, которые оставили нам свои описания древних народов и мест их проживания.

Взглядом социально-культурного антрополога, который использует этнографический метод включенного наблюдения, я увидел многое то, что скрыто от других специалистов-обществоведов, которые полагаются прежде всего на официальную статистику, макроэкономические анализы, опросы общественного мнения, политические заявления и бытовую риторику. Мой вывод однозначен: за последние десять лет жизнь подавляющего большинства населения данного региона (точнее, имеется в виду территория Приволжского и части еще двух федеральных округов) радикально изменилась, причем в лучшую сторону. Эти перемены столь значительны, что воспринимаются многими, особенно старшим поколением, как нарушение привычного порядка вещей, а значит, чаще всего как негативное явление.

Новые ситуации и проблемы, к которым не все готовы, поскольку нужно принимать самостоятельные решения, изменчивость правил, норм, ценностей и даже цен, ослабление при-

слоненности (точнее зависимости) к государству, снижение личной безопасности — все это присутствует в сегодняшней жизни, но является производным, или платой за ту свободу и предоставленные возможности, которых люди добились.

Какие это перемены к лучшему, которые не хотят видеть многие политики или не способны уловить ученые и другие наблюдатели? И почему речь идет не о них, а только о том, что "по Волге больше не ходят пароходы", "Волга загажена и нет в ней рыбы", "жизнь стала нестерпимой", "все вокруг разваливается и одна нищета". Недавно избранный губернатор В. Шаманов добавил во время встречи, что в Ульяновской области "в некоторых местах вынуждены питаться жмыхом". В Саратове две безбилетные дамы с полными сумками покупок вызываяще бросили кондуктору троллейбуса: "Натворили черт-те знает чего, а тут еще и билеты требуют покупать". Модно и дорого одетая молодая девушка, выступая на одном из российских телеканалов, заявила на следующий день после выборов губернатора Нижегородской области: "А чего хорошего мы в этой жизни видим? Все вокруг в упадке".

Итак, какие перемены к лучшему, почему мы их не видим и к чему ведет господство кризисной парадигмы в России? Под словом "парадигма" мы имеем в виду преобладающий комплекс взглядов, представлений и ощущений в данном случае о российской жизни и о России как стране в целом.

А хорошего очень много. В сентябре 2000 г. я был свидетелем праздника День города в Нижнем Новгороде. Территория вокруг Кремля и прилегающие улицы были весь день заполнены десятками тысяч людей, главным образом молодого и среднего возраста. Все без исключения были хорошо и разнообразно одеты (пусть даже и в китайский ширпотреб, в котором, кстати, ходит большинство населения и западных стран). Внешний вид нижегородцев соответствовал их здоровым лицам и хорошему настроению. Пьяных почти не было даже вечером, хотя торговля пивом, водкой и разной снедью продолжалась весь день. В целом город производил более чем благополучное впечатление — много новых городских построек, хорошие дороги, реставрированные здания, отремонтированные театры и музеи, большое число ресторанов и магазинов, оживленная уличная торговля и т.п.

То же самое можно сказать и о других крупных городах Поволжья. Кострома, Ярославль, Кинешма — в отреставрированном состоянии значительная часть старинной архитектуры, в том числе храмовые сооружения, чистые фасады и улицы, хорошие скверы и набережные, не очень богатые рынки, но вполне доступен широкий набор продуктов, вещей, лекарств, строительных материалов и разных услуг. Номер ивановской

газеты объявлений содержал рекламу почти 50 тыс. товаров с оптовых складов и магазинов, подавляющее большинство которых десять лет тому назад было даже неизвестно россиянам.

Заметим, речь идет о так называемых дотационных регионах. Южнее Казани к ним относится еще и Ульяновская область. Я не видел тех деревень, о которых говорил губернатор Шаманов, где люди едят корм для скота. Но есть сомнение в массовой бедности и в этой области, ибо по-настоящему голодные люди обязательно прибыли бы в город. Тем не менее в Ульяновске на улицах нет сельских нищих, которых легко отличить от обездоленных беженцев или от местных бомжей.

Нужно быть слепым или идеологически распропагандированным, чтобы не видеть, что для ряда больших волжских городов, прежде всего для Казани, Самары, Саратова и Астрахани (о Нижнем уже была речь), последнее десятилетие — это время невиданных до сих пор в истории позитивных перемен. Никогда за предыдущие десятилетия не было построено столько жилья, в том числе и загородного по берегам реки и в других дачных местах. Никогда не было куплено столько автомобилей, цветных телевизоров, холодильников, мебельных гарнитуров, женских меховых шуб и украшений, как в последние десять лет. Несмотря на высокие цены, количество и номенклатура потребляемых лекарств везде выросла, как и расширились медицинские услуги. Местные магазины и рынки отличаются от московских только более низкими ценами, но не набором товаров.

Каждый большой город на Волге неповторим своей историей и современным обликом. Но есть и общее — это новая динамика жизни, проявляемая в свободном поведении людей, в более разнообразном препровождении времени, в богатом культурном производстве, в возродившемся краеведении и в новых малых музеях, в высоком престиже образования и современном студенчестве, которое, кстати, прекрасно выглядит, в активном освоении внешнего мира через средства массовой информации и через заграничные путешествия.

Если говорить о позитивном без деталей, то приведу только несколько примеров. Это — бурно обновляющаяся Казань, обещающая стать к своему 1000-летию городом европейского уровня. Это — ухоженная и культурно многообразная Астрахань. Это — полностью автомобилизированная за счет народного автомобиля "Жигули" Самара. Это — интеллектуальный Саратов и промышленный гигант Волгоград.

Если бы все "лежало на боку", тогда откуда такие повсеместные улучшения повседневной жизни людей? Даже если это делается часто в обход существующих норм и правил или же требует от людей больше "вертеться по жизни" и решать боль-

ше проблем с ее обустройством, сам по себе факт улучшения отрицать просто глупо и саморазрушительно.

В России произошла удивительная вещь в головах людей. Они не поняли многого, что произошло с ними за 10 лет. В верхушечных дебатах и в повседневных разговорах над всеми взяла верх парадигма кризиса. У нее оказалось слишком много сторонником по сравнению с теми, кто готов говорить о лучшей жизни. Итак, что и кто стоит за парадигмой кризиса?

На уровне частной стратегии человека — это вполне понятно: человек больше склонен жаловаться, чтобы психологически рассчитывать на сочувствие (что комфортнее, чем испытывать в отношении себя зависть, а иногда необходимо для получения прямого материального вознаграждения и дополнительных жизненных ресурсов). Изучая в прошлом много лет США и Канаду, могу подтвердить, что американцы и канадцы также чаще жалуются на проблемы, чем похваляются своей жизнью. Последнее — просто миф об американцах.

Почему политики и общественные активисты больше говорят о развале и кризисе? Потому что их подавляющее большинство или еще только мечтают взять власть в свои руки, чтобы "улучшить жизнь", или только что пришли к власти и хотят убедить, что наследовали от предыдущих правителей полный развал. Иначе, нечем будет хвалиться при очередных выборах. Самый яркий пример — каждая новая правительственная команда в Белом доме на Краснопресненской набережной в Москве. В отношении предшественников почти всегда скептицизм или даже полное отрицание. Все хотят начать все сначала и доказать свою успешность.

Самые недобросовестные критики — оппозиционные политики, особенно "глухая оппозиция", как коммунисты или "Яблоко". Здесь идут в ход самые зловредные вымыслы и используется самая неквалифицированная экспертиза. На протяжении более 10 лет Г.А. Зюганов обвиняет "антинародный режим" в "геноциде народа" и в ежегодно загубленном миллионе людей (имеются в виду не родившиеся дети по причине обнищания), в вымирании русского народа и т.п. Вот только дети почему-то больше рождаются в бедных сельских местах, а не в богатых городах. А упадок рождаемости почти компенсируют иммигранты (если считать и незарегистрированных) и количество идущих в школу детей не сокращается так, как это предсказывали некие "эксперты ООН" с подачи недобросовестных отечественных специалистов.

В течение тех же лет Г.А. Явлинский убеждает народ, что "мы построили криминальное государство", что 95% населения живет в нищете и т.п. В эту же ловушку попадают и "правые". Б.Е. Немцов убеждает, что в стране 45 млн нищих, которые жи-

вут меньше чем на один доллар в день, что в стране больше беспризорников, чем их было в годы гражданской войны и разрухи. Откуда все эти данные? Число нищих, я думаю, идет от некорректного использования данных ВЦИОМа. Что касается беспризорников, то здесь, скорее всего, Фонд защиты детей, чтобы получить больше средств на свою полезную деятельность, устраивает инфляцию с цифрами в 2–3 млн и больше.

Если 10 лет вымираем в условиях кризиса, то почему его нет по реальной жизни каждого отдельного гражданина? Или почему гражданин глубоко верит в кризис и не может осознать и признать улучшение собственной жизни и наверняка жизни собственных детей? Конечно, здесь есть возрастные и психологические особенности. Ностальгия по "старым добрым временам" характерна для любого общества, а в нашей стране после распада исторического государства, глубоких общественных потрясений и кровавых конфликтов подобные чувства среди старшего поколения более чем понятны. Но как долго старшие будут "заедать век" молодых, которые уже давно приняли и новую страну и новые порядки, а многие из них преуспели больше родителей и даже помогают им материально?

Главными поставщиками аргументов для парадигмы кризиса и ее достаточно успешного насаждения даже среди части молодежи являются еще две активные общественные силы — ученые и преподаватели, а также журналисты. В своей массе российские обществоведы оказались профессионально не готовы оценить происходящие в стране перемены. Они продолжают замерять жизнь семей по чайновским методикам вековой давности, по официальной статистике, по ответам опрашиваемых на вопросы-подсказки типа "Как Вам удается сводить концы с концами в этой жизни?", что равносильно учету реакций на прочитанные газеты или просмотренные накануне телепередачи.

Эти подходы, возможно, применимые для других стран или для других условий, не учитывают многого в современной российской жизни. Доходы россиян состоят далеко не только из зарплат (но даже всех получаемых выплат подсчитать государству и экспертам не удастся). Они складываются от дополнительных заработков, которые приносит продажа на тех же волжских пристанях связанных платков и сувениров, индивидуальный труд на 40 млн земельных участках, скрытая экономика за пределами правовых норм, тривиальное воровство и браконьерство. Наконец, в стране необычно высокий уровень реципрокального (взаимовыгодного) обмена и перераспределения материальных благ через семейно-родственные связи. По Немцову, моя престарелая мать относится к числу бедных, ибо живет на учительскую пенсию 850 руб. в месяц (меньше од-

ного доллара в день). Но это не так. Проживая отдельно, она получает равную помощь от троих сыновей и от дальних родственников, живущих в том же городке на Урале.

Несправедливо зачислив собственную страну в ранг бедных и сплошь криминальных, ученые и другие эксперты дали достаточно материала для журналистики. Преуспевающие телеведущие и газетные журналисты повторяют как молитву фразу "в наше тяжелое время", прежде чем начать или закончить свой репортаж. Им кажется, что они радеют о простом человеке вместе с политиками и тем самым получают народную поддержку.

Простой человек не в силах противостоять массивной идеологии кризиса. Он верит в то, что все вокруг плохо, и в итоге голосует за того, при ком 10 лет тому назад действительно было плохо. Ирония в том, что даже молодые люди, которые не помнят те времена и ни при каких условиях в них не вернутся, тоже голосуют за прошлых первых секретарей компартии. Так, в конечном итоге Явлинский и Немцов помогают Зюганову избрать губернатором Нижнего Новгорода Ходырева. Похоже это уже не единичный случай. Плата за саморазрушительную кризисную парадигму становится слишком высокой.

ИТОГОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ

ЭТНОС ИЛИ ЭТНИЧНОСТЬ?

Этничность – широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. В отечественном общественном вознании более широко употребляется термин *этнос* во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа. Понятие *этнос* предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают группу от других, обладающих иным набором подобных характеристик. Общепринятой дефиниции *этнoса* не существует, но доминируют такие его определения, как “этносоциальный организм” (Ю.В. Бромлей) или как “биосоциальный организм” (Л.Н. Гумилев).

Современная концепция этничности подвергает сомнению подобный взгляд на культурную отличительность и обращает внимание прежде всего на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов. Среди ученых также нет единства в подходе к определению феномена этничности, но есть некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К числу таких характеристик относятся:

– разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры;

– политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие “народ”;

– чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Отчасти сохраняет значение данное Максом Вебером определение этнической общности как группы, члены которой “об-

ладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции". Важную роль в понимании этничности играет соотношение социальных и культурных границ, внутренних (эмных) и внешних (этных) представлений, что есть та или иная группа. Характерные черты этнических групп не могут сводиться к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а должны определяться прежде всего тем значимым, что для себя считают сами члены группы (или эта значимость навязана извне) и что лежит в основе их самосознания. Таким образом, этничность — это форма социальной организации культурных различий.

Исходя из этого, под понятием "народ" в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности.

Представление о том, что этничность формируется и этническая общность строится на основе иноэтнического противопоставления "мы — они", является недостаточным. Этничность как компонент индивидуального самосознания и как общеразделяемая коллективная вера проявляет себя через фундаментальные связи с другими культурными, социальными и политическими общностями, в том числе государственными. Это означает, что этническое самосознание необязательно построено на негативной оппозиции и необязательно по отношению к другим этническим общностям, в чем состоит глубокое заблуждение структурализма, начиная с К. Леви-Стросса. Точнее сказать, *этническая общность (народ) есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях.*

Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым связаны люди или с которым они идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они по культуре очень близки. Различия, которые они могут проводить по отношению к другим, обычно довольно определенные и многоуровневые, тогда как внешние представления о группе имеют тенденцию к генерализации и стереотипным критериям при характеристике групп.

Таким образом, во внутренних и внешних определениях этнической группы (народа) присутствуют как объективные, так и субъективные критерии. Часто бывает, что кровная родственность или другие объективные критерии не играют решающей роли. Этничность предполагает наличие социальных маркеров как признанных средств дифференциации групп, существующих в более широком поле социального взаимодействия. Эти различительные маркеры образуются на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык и даже такие характеристики, как одежда или пища.

Интеллектуальная история термина *этничность* начинается с 1960-х годов, когда этот концепт стал ответом на изменения в постколониальной геополитике и на движения меньшинств во многих промышленно развитых странах. Появление интерпретаций этничности касалось таких разных явлений, как социальные и политические изменения, формирование идентичности, социальный конфликт, расовые отношения, нацистроительство, ассимиляция, и прочих. Существуют три главных подхода к пониманию этничности: эссенциалистский (примордиалистский), инструменталистский и конструктивистский.

Примордиалистский подход исходит из того, что этническая идентификация основана на глубоких связях с определенной группой или культурой, а значит, и на существовании реалий этой идентификации, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические. На этот подход оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим, генетическим и географическим факторам. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции. В крайней форме этот подход рассматривает этничность в категориях социальной биологии как расширенную форму родственного отбора и связи, как изначальный инстинктивный импульс. Схожие построения распространены и в российской литературе в рамках так называемой теории этноса, где социальный биологизм вместе с географическим детерминизмом служит основой крайне уязвимых конструкций "жизни и смерти этносов", их "пассионарности", "психоментального комплекса" и прочих (Л.Н. Гумилев, С.М. Широкогоров). Более социально ориентированными, но от этого не менее эссенциалистскими являются доминирующие в российском общественном сознании типологические конструкции этносов, субэтносов, метаэтносов, а темы экзогамии этносов как признака и условия их существования или "компонентные" теории этноса присутствуют на

уровне учебной литературы (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, В.В. Пименов, Ю.И. Семенов).

Культурный вариант примордиализма рассматривает этничность как прежде всего разделяемую членами группы общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад. Большинство российских авторов полагают, что этническая общность имеет первичное значение как социальный архетип и ее игнорирование в социологии и политике является глубоким заблуждением. На основе "этнических корней" создается целая генеалогия современных наций. Для групповых этнических категоризаций широко используются историко-лингвистические классификации, историко-археологические и физико-антропологические реконструкции, которые привязываются к современной номенклатуре этнических групп и к их историческому и пространственному картографированию.

Более современные подходы в рамках этой традиции признают субъективную природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности, только обращенной в прошлое и оформленной в современном бытовании через культурно-языковые характеристики. Эти характеристики ученые и этнические активисты прослеживают через географию и историю той или иной группы. В свою очередь, культурный багаж и его преемственность позволяют находить личное и социальное значение человеческого существования и дают ответ, почему индивид ведет себя в соответствии с определенной традицией.

Культурно-языковая или психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма также рассматривает этническую идентичность как неотъемлемую психологическую часть "я", а ее изменение как неестественное и навязанное человеку. Подобные взгляды на этничность широко распространены в обществах, где этнокультурным различиям придается особая значимость вплоть до ее официальной регистрации государством и даже построения государственности на этнической основе.

В то же время социальное значение этничности включает помимо эмоциональных моментов также и рационально-инструменталистские ориентации. Этничность, как бы пребывая в латентном ("спящем") состоянии, вызывается к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля, взаимных услуг и солидарного поведения, для политической мобилизации и достижения гедонистических устремлений. Инструменталистский подход с его интеллектуальными корнями в со-

психологическом функционализме рассматривает этничность как результат политических мифов, создаваемых и используемых культурными элитами в их стремлении к преимуществам и власти. Этничность возникает в динамике соперничества элит в рамках границ, которые определяются политическими и экономическими реальностями. Иногда функционализм обретает психологическую окраску, и тогда манифестации этничности объясняются как средство восстановления утраченной коллективной гордости или как терапия от нанесенных травм.

В рамках этих подходов выполнены многие труды в отечественной этнографии, в том числе и на основе социологического метода анализа (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробичева). Имеются их авторитетные сторонники в зарубежной науке (У. Коннор, Д. Миллер, Р. Ставенхаген, Э. Смит).

Все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими. Интеграция наиболее значимых аспектов в цельную теорию этничности наиболее перспективна на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту. Этничность возможно рассматривать в системе социальных диспозиций и ситуативной зависимости на разных уровнях и контекстуальных горизонтах: транснациональном уровне мировых культурных систем и диаспорных связей, в рамках наций-государств с точки зрения доктрины меньшинств, "внутреннего колониализма" или "структурного насилия", межгрупповом уровне в контексте теории культурной границы и внутригрупповом в рамках психологических теорий реактивной, символической и демонстративной этничности и стигматизированных идентичностей.

Продуктивной представляется разработка подхода к этничности вне "традиционных культурных типов", как культурной гибридности и как множественных лояльностей или этнического дрейфа. Этот предлагаемый мной подход позволяет рассматривать не человека в этничности (на отечественном научном жаргоне "этнофора"), а этничность в человеке, что приближает к более чувствительному и адекватному восприятию "реальности" и к более конструктивному воздействию на этничность в смысле общественного управления.

О НАЦИИ

Моя позиция по вопросу о трактовке и использовании термина "нация" в науке и в политике вызвала, пожалуй, наиболее ожесточенные споры, критику и непонимание того, о чем идет речь. Опубликованная в журнале "Вопросы философии" (1998. № 9) и затем на английском языке в журнале "Ethnic and Racial Studies" (2000. Vol. 23. No. 4) статья под названием "Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма" вызвала довольно суровую критику некоторых коллег. Хранитель чистоты исторического материализма М.Н. Руткевич, по учебникам которого учились мое и близкие моему поколению, выступил со специальной статьей в том же журнале, разоблачая "субъективистские взгляды" на "реальную действительность". Кажется, ни одна из публикаций последних лет яркого российского политика, но слабого ученого Р.Г. Абдулатипова не обходится, чтобы грозно не напомнить читателю о моих опасных для страны и для ее народов заблуждениях и призывах "забыть нации".

Люди, не читавшие мою научную статью и другие работы, начинают верить, что есть такие сторонники "патологического постмодернизма" (слова из критики в мой адрес профессора В.И. Козлова), которые отрицают все: и нацию, и этнос, и расу, и даже саму "реальную действительность", которую "отражает" общественная наука и наше мышление в целом. Таких сторонников ленинской теории отражения гораздо больше, чем я предполагал. К тому же они воспроизводят себе подобных через обучаемые по старым прописям студенческие когорты. 11 октября 2001 г. на пресс-конференции в газете "Московский комсомолец" мне был задан вопрос по телефонной линии студентом психологического факультета МГУ, который пытался выяснить, на самом ли деле я отрицаю нации, а значит, и "национальный характер", чему его усердно учат так называемые этнопсихологи или философы типа незаслуженно популярного Г. Гачева.

Я уже не говорю о политиках и ученых в республиках, которые ни под каким предлогом не позволят подвергать сомнению "национальные" статусы своих групп и "своих" республик-государств. Опубликовано в 1992 г. в газете "Московские новости" мое интервью намеренно вышло под заголовком "Нация — это то же племя, но только с армией". Сказанная мною в разговоре эта бытовая для языка современных социально-культурных антропологов фраза (с просьбой "не для публикации") была специально использована газетой, чтобы "подставить" не до конца последовательного в демократических убеждениях министра. Кстати, своей цели эта публикация достигла: по моим сведениям, президенты М.Е. Николаев (Якутия) и М.Г. Рахимов (Башкирия) пожаловались Б.Н. Ельцину, что министр по делам национальностей допускает в их адрес плохие высказывания. Именно в этом контексте мне бы хотелось кратко и по возможности популярно изложить свой взгляд на феномен нации.

Нация — это действительно широко распространенное в науке и политике понятие с различным историческим и современным смысловым содержанием. Наиболее распространенным является обозначение совокупности граждан одного государства как политического сообщества. Отсюда понятия: "здоровье нации", "лидер нации", "национальная экономика", "национальные интересы" и прочее. В политическом языке нациями иногда называют просто государства. Отсюда — название Организации Объединенных Наций и многие термины в западноевропейских языках (*international relations, international organizations, international law, international treaties* и другие). Члены нации отличаются общегражданским самосознанием (например, американцы, британцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне, французы), чувством общих исторической судьбы и культурного наследия, некоторыми общими элементами материальной и духовной культуры, а в редких случаях общностью языка и даже религии. Кстати, все вышеперечисленные нации единством языка и религии не обладают.

Понятие "гражданской" или "политической нации" утвердилось в Европе в эпоху французской революции конца XVIII в. (в средние века нациями чаще всего назывались университетские земляческие сообщества), чтобы противопоставить божественному происхождению монархической власти представление о гражданском сообществе, имеющем право создавать государство, обладать суверенитетом и контролировать власть. Понятие *нация* широко использовалось в эпоху формирования современных государств вместо феодальных, династических, религиозных и политических образований. В государствах Нового времени вместе с утверждением единого управле-

ния, рынка и массового образования распространялись культурно-языковое единообразие вместо локального своеобразия или наряду с ним, общие гражданские и правовые нормы, а вместе с этим и общая идентичность. Так возникли нации в Европе и в регионах переселенческих колоний (Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия), а также в Латинской Америке на базе колоний Испании и Португалии. В Азии и Африке понятие "нация" было заимствовано из Европы, особенно в ходе деколонизации и образования суверенных государств в XX в.

Гражданские нации – многоэтничные образования (за исключением небольших островных государств) с разной степенью культурной и политической консолидации. Подавляющее большинство наций включают несколько, а иногда десятки и сотни этнических общностей, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии (например, американская, индийская, канадская, китайская, малазийская, нигерийская, швейцарская). Обычно язык и культура наиболее многочисленной этнической общности обретают доминирующий (а иногда официальный) статус в гражданском сообществе – государстве, а культура малых групп или групп иммигрантского населения, называемых меньшинствами, подвергается ассимиляции и дискриминации.

Согласно национальным законодательствам и международно-правовым нормам, а также доминирующему представлению в большинстве стран мира представители меньшинств (если это не недавние иммигранты без гражданства) являются равноправными членами наций. Они обычно и считают себя таковыми (индейские народы и натурализованные иммигрантские группы в странах Америки; корсиканцы и бретонцы среди французов; шотландцы, ирландцы, уэльсцы среди британцев; фракоканадцы, индейцы, эскимосы, давние иммигрантские группы среди канадцев; неханьские народы среди китайцев; шведы среди финнов; саамы среди норвежцев). В ряде стран, где распространены идеология и практика этнического национализма или расизма, демографически и (или) политически господствующие этнические общности исключают других из понятия "нация" и даже отказывают в гражданстве коренным (не иммигрантам) жителям страны, переводя ситуацию (в том числе законодательным путем) в различительную схему "нация и меньшинства" или считая последних "апатридами". Особенно это характерно для ряда постсоветских государств, где число тех, кто не входит в категорию нации, может достигать половины населения страны и даже составлять большинство жителей ее столицы (например, в Латвии).

В отличие от предшествующих эпох, когда преобладала установка на культурную гомогенность нации через механизмы

ассимиляции, в последние десятилетия за счет более интенсивной иммиграции, роста локальных идентичностей и группового (этнического) самосознания увеличились культурная гетерогенность и этнорасовое многообразие европейских наций (например, британской, германской, итальянской, французской). Этому способствовали мировые процессы демократизации и общественные движения в защиту прав человека и меньшинств с начала 1960-х годов.

В то же время современные государства предпринимают усилия, направленные на формирование общегражданской идентичности и сохранение целостности нации, в том числе через политику культурного плюрализма и внутренние формы самоопределения (культурная и территориальная автономии). Вместо идеи "плавильного котла" символической формулой современных наций гораздо чаще является формула "единство в многообразии". Однако идея национального самоопределения и национального государства на этнической основе сохраняет некоторые позиции, и она особенно усилилась в странах, переживающих посткоммунистические трансформации.

Этнические, региональные и религиозные различия и неравенство, а также характер общественных устройств и политических режимов могут вызывать кризисы и конфликты вплоть до раскола нации на новые национальные образования-государства. По этим причинам и под воздействием идеологии этнического национализма в конце XX в. распались несколько полиэтничных гражданских наций-государств. Вместо СССР, Югославии и Чехословакии возникли более 20 новых полиэтничных гражданских сообществ, где идет сложный процесс формирования представлений (именно представлений, а не самих коллективных тел!) и их утверждение на массовом уровне, что есть новые нации. В постсоветских государствах дилемма "что есть нация" — казахстанцы или казахи, латвийцы или латыши — почти не существует, но скоро, бесспорно, возникнет.

В то же время в конце XX в. произошло объединение двух культурно родственных и до этого государственно разделенных гражданских наций в ГДР и ФРГ в одну германскую нацию, в состав которой входит целый ряд этнических и иммигрантских меньшинств (сорбы, российские немцы, турки, хорваты и другие). Внутри гражданских наций могут возникать политические и вооруженные движения сепаратизма или иредентизма на этнической (трайбалистской), религиозной или региональной основе. Такие движения существуют во многих странах мира (Великобритания, Индия, Испания, Италия, Канада, Китай, Шри-Ланка, многие страны Африки), и они представляют угрозу целостности и мирному развитию гражданских наций. После распада СССР такие движения, в том числе

в форме вооруженной сецессии, возникли в Азербайджане, Грузии, Молдове, России.

Распространено также понимание нации как этнической общности или этнонации (в отечественной традиции как типа этноса), которая понимается как исторически возникшая и устойчивая этносоциальная общность людей с общей культурой, психологией и самосознанием. Понятие "культурная нация" имеет истоки в идеологии австромарксизма и восточноевропейской социал-демократии и распространилось в XX в. в процессе распада Австро-Венгерской, Оттоманской и Российской империй. После первой мировой войны на основе доктрины "национального самоопределения" были образованы многоэтнические государства Восточной Европы, а также Финляндия.

За время существования СССР произошло социальное конструирование многих советских наций на основе административно-государственных образований и за счет упразднения или ослабления прежних локальных, языковых, религиозных и других различий (возникли аварская, алтайская, азербайджанская, грузинская, казахская, киргизская, туркменская, узбекская и многие другие этнонации). Однако существовала и общероссийская (общесоветская) идентичность и историко-политическая общность, при которой идеология советского патриотизма и доктрина единого советского народа заменяла доктрину гражданской нации. Этнические общности (народы) назывались нациями, а фактически существовавшая гражданская нация называлась советским народом. Это доктринальное наследие и политическая практика сохраняются до сих пор.

Этнический национализм стал одной из важных причин распада СССР, и он же представляет серьезный вызов гражданскому нациестроительству в постсоветских государствах. Ряд новых государств (Казахстан, Киргизия, Литва, Россия, Украина) осознают необходимость перехода к понятию *гражданская нация*, которое начинает утверждаться наряду или вместо понятия *этнонация*. Однако в постсоветских государствах этнонационализм, особенно от имени так называемых титульных наций, сохраняет мощные позиции в общественно-политическом сознании и служит средством политической мобилизации, обеспечения приоритетного доступа к власти и ресурсам. В России на основе доктрины "многонационального народа" и практики этнического федерализма этнонации обладают мощными формами политической и эмоциональной легитимности.

Сложное сосуществование двух версий понятия "нация" имеет место во многих полиэтничных странах: государство и официальный язык предпочитают использовать понятие *гражданская нация* как средство консолидации согражданства; ли-

деры и активисты этнических общностей используют понятие "культурная нация" как средство защиты своих интересов, политической мобилизации и сохранения коллективной культурной самобытности от угрозы ассимиляции или дискриминации со стороны государства и доминирующей культуры. Многозначное использование понятия "нация" становится все более распространенным в современном общественно-политическом языке, хотя его этнический смысл не признается международно-правовыми нормами и нормами большинства государств мира.

Научное содержание понятия "нация" является предметом длительных и малопродуктивных дискуссий, несмотря на участие в них многих крупных ученых и публицистов как в прошлом (И. Гердер, О. Бауэр, К. Каутский, М. Вебер, П. Сорокин, Н. Бердяев), так и в современном обществознании (Д. Армстронг, Б. Андерсен, Э. Баграмов, Ю. Бромлей, Э. Геллнер, Л. Гумилев, А. Здравомыслов, Ю.И. Семенов, У. Коннор, Э. Смит, Э. Хобсбоум, М. Хрох, П. Чатарджи). В мировой науке не существует общеразделяемой дефиниции нации, особенно если речь идет об ее пространственных и культурных границах, членстве и как о статистической категории. Тем не менее до недавнего времени в обществознании господствовало и сохраняет свои позиции понимание нации как реальной общности. Нация в этом случае рассматривается как коллективный индивид (или тело), обладающее базовыми потребностями, (само)сознанием, общей волей и способное на единое и целенаправленное коллективное действие. Одной из таких потребностей является обеспечение условий своего сохранения и развития, и из этой потребности вытекает стремление к автономии и независимости в форме отдельного "национального государства". Реалистская (или субстанциональная) онтологизация нации бытует не только в наивной социологии и политологии, но и в более профессиональном обществоведческом дискурсе, который до сих пор сопровождается попытками дать научное определение нации.

Данное видение нации не ограничивается только примордиалистским подходом, при котором обычно выделяются глубокие корни, древнее происхождение и особая духовная сила национальных чувств. Онтологический взгляд фактически разделяют и многие сторонники модернистских и конструктивистских подходов, которые рассматривают нации как результат индустриализации и распространения "печатного капитализма", как результат неравного развития, роста коммуникационных и транспортных сетей и, наконец, как результат мощного интегрирующего воздействия современного государства, т.е. не нации создают государство, а государство создает нации.

Субстанциональный подход не ограничивается только взглядом на нации как на "объективную реальность", т.е. общность, имеющую объективные характеристики (язык, религия и прочее), но он также характерен и для тех, кто подчеркивает субъективные факторы, как, например, общий миф, историческая память или самосознание. Ибо и в этом случае нация понимается как социально сконструированная, но все же реально существующая группа.

В последнее десятилетие ряд новых подходов в общественной теории способствовал отходу от трактовки социальных коалиций (групп) как реальных, субстанциональных общностей. Это — прежде всего интерес к так называемым сетевым формам и растущее использование категории *сеть* (network) как ориентирующего образа или метафоры в теории и конкретном исследовании. Это — разработки в области теории рационального действия, которые делают упор на индивидуальные стратегии и на более глубокое понимание феномена *групповости* (groupness). Это — переход от структуралистских взглядов, при которых группа рассматривается как исходный компонент социальной структуры, к конструктивистским подходам, при которых групповость — конструируемый, контекстный и подвижный феномен. Наконец, постмодернистские подходы вызвали больше внимания к проблемам фрагментарности, эфемерности и эрозии жестких форм и четких границ.

Все более становится очевидным, что главная проблема субстанционального взгляда на нацию состоит в том, что он принимает категорию практики за категорию анализа. *Содержащийся в практике национализма и в деятельности современной системы государств концепт, а именно — реификация нации как реальной общности, переносится в сферу науки и делается центральным в теории национализма.* Именно этот феномен реификации как социального процесса, как события, а не только как интеллектуальной практики отмечают при рассмотрении проблемы нации ряд современных авторов (Ф. Барт, Р. Брубейкер, Р. Суни, П. Холл, Г.-Р. Уикер, Т.-Х. Эриксен). Такими же являются и мои собственные научные взгляды, часть которых была высказана одновременно и даже раньше, чем зарубежными специалистами.

В свете этого подхода нацию возможно рассматривать как семантико-метафорическую категорию, которая обрела в современной истории эмоциональную и политическую легитимность, но не стала и не может быть научной дефиницией. В свою очередь, национальное как коллективно разделяемый образ и национализм как политическое поле (доктрина и практика) могут существовать и без признания нации как реально существующей общности.